

Интернационал том II. ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.

Юрская

Федерация.

(Первый период. –

Ноябрь 1871 –

сентябрь 1872 г.)

- I. Конгресс в Сонвилье (12 ноября 1871 г.). – Основание Юрской Федерации.
Воззвание конгресса в Сонвилье ко всем Федерациям Интернационала

- II. Отклики на воззвание конгресса в Сонвилье. – Брошюра Бакунина: Политическая теология Мадзини и Интернационал
- III. «Бюллетень Юрской Федерации». – Приезд Кропоткина в Швейцарию – Поль Лафарг в Испании. – «Alianza социалистической демократии» в Испании. – Знакомство с Реклю
- IV. «Юрская федерация в апреле-мае 1872 года. – Развитие Интернационала в Италии. – Среди испанских секций Интернационала; письма Бакунина к Мора, Лоренсо и Мораго
- V. Частный циркуляр Главного Совета, Мнимый Раскол в Интернационале. – Главный Совет созывает общий конгресс Интернационала в Гааге. – Из жизни Интернационала в Испании и в Италии
- VI. Гаагский конгресс (2-7 сентября 1872 года)

I. Конгресс в Сонвилье (12 ноября 1871 г.). – Основание Юрской Федерации. Воззвание конгресса в Сонвилье ко всем Федерациям Интернационала

Областной конгресс Романской Федерации открылся 12 ноября 1871 года в городе Сонвилье. На конгресс Прибыли 14 делегатов от восьми юрских секции и, кроме того, женеvская секция пропаганды и социально-революционного действия прислала двух делегатов – Жюля Геда и Н. Жуковского. Конгресс открылся чтением доклада Федерального Комитета. Докладчик, секретарь Федерального Комитета, Адемар Швицгебель констатировал с полной откровенностью то печальное состояние дезорганизации, в какой находился Интернационал в Швейцарии. Причиной такого упадка и разрухи, Швицгебель считал с одной стороны – результаты франко-прусской войны, а с другой – интриги женеvцев и их защитников в Лондоне.

После доклада, конгресс избрал комиссию для составления докладов по другим вопросам, стоявшим в программе, а именно: о Лондонской конференции и о действиях Главного Совета; о реорганизации федерации и о проекте созыва швейцарского рабочего конгресса.

По вопросу о реорганизации Романской Федерации конгресс, заслушав доклад комиссии по этому вопросу, принял единогласно следующую резолюцию:

«Конгресс,

Принимая во внимание, что Романская Федерация, *законным представителем которой является настоящий конгресс*, утратила свой первоначальный характер благодаря отпадению одной части секций.

Полагает, что необходимо распустить эту Федерацию и поэтому её распускает.

Принимая во внимание, с другой стороны, что конгресс романских секций, состоявшейся в городе Сент-Имье, в октябре 1870 года уже обсуждал вопрос об основании новой Федерации, которая должна была бы называться *Юрской Федерацией*, но признал в то время вопрос об образовании новой федерации преждевременным, теперь же, когда многими секциями снова поднят этот вопрос, Конгресс постановляет образовать из секций, представленных на конгрессе, и тех, которые пожелают присоединиться впоследствии, – новую Федерацию, которая принимает название *Юрской Федерации*».

Конгресс утвердил устав вновь образованной Федерации, состоявший из девяти статей. Мы приводим этот устав полностью:

«Устав Юрской Федерации, принятый на конгрессе в Сонвилье, 12 ноября 1871 года.

Статья первая. – Интернациональные секции, принимающие настоящий устав, образуют между собой федерацию, которая будет называться *Юрская Федерация*.

Ст. 2. – Федерация признаёт и принимает основным устав Международного Товарищества Рабочих.

Ст. 3. – Федеральное единство имеет своего представителя в лице Федерального Комитета, состоящего из пяти членов, которому вверяется управление федеральными делами под контролем секций.

Федеральный Комитет не облечён никакой властью. Он является лишь простым исполнительным бюро для справок, переписки и статистики.

Ежегодно Федеральный конгресс назначает город и место пребывания федерального Комитета.

Статья 4. – Секции, входя в федерацию, сохраняют свою полную автономию и на них не возлагается никаких обязательств кроме исполнения настоящего устава

Статья 5. – Секциям предоставляется свобода образовывать между собой местные или специальные федерации.

Статья 6. – Всякая интернациональная секция может быть принята в Федерацию при условии подчинения настоящему уставу.

Федеральный Комитет имеет право принять новые секции, уведомив об этом Федерацию в двухнедельный срок. В случаях, вызывающих сомнение, он должен оповестить об этом все

секции и опросить их, и каждая секция обязана сообщить Комитету своё решение по данному вопросу, то есть за принятие новой секции в Федерацию, или против принятия.

Статья 7. – Федеральный взнос определяется в 20 сантимов в год с каждого, члена секции. Взнос уплачивается в январе месяце кассиру федерального Комитета.

Секции, не внёвшие своих взносов до 31 марта, будут рассматриваться как выбывшие из Федерации. Им, однако, предоставляется право войти вновь в Федерацию уплатив свои недоимки.

Статья 8. – Федеральный Конгресс созывается ежегодно в апреле месяце в городе, выбранном большинством секции.

Каждая секция имеет право послать на конгресс двух делегатов.

Рассмотрению конгресса подлежат дела общего характера федерированных секций, а также и все вопросы, относящиеся к пролетарскому освобождению. Конгресс не имеет права вмешиваться во внутренние дела секций.

Конгрессу представляется доклад Федерального Комитета о действиях комитета и конгресс высказывает по этому докладу своё мнение.

Каждая секция имеет право предложить вопросы в программу дня конгресса. Порядок дня окончательно устанавливается, при открытии конгресса.

Статья 9. – Настоящий устав подлежит пересмотру на конгрессе во всякое время, по требованию какой-либо секции.

Принято единогласно.

Председатель конгресса в Сонвилье, – *Август Спишигер*; секретари – *Шарль Шопар и Жюль Гед*».

По поводу Лондонской конференции и принятых ей постановлений, конгресс в Сонвилье постановил обратиться с воззванием ко всем секциям Интернационала о скорейшем созыве общего конгресса Интернационала, чтобы установить права и обязанности Главного Совета. Это воззвание было выработано и принято конгрессом в следующей редакции.

«Воззвание ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих.

Нижеподписавшиеся делегаты, являющиеся представителями группы интернациональных секций, соединившихся в федерацию, которая приняла название *Юрской Федерации*, обращаются с настоящим воззванием ко всем федерациям Международного Товарищества Рабочих и просят их присоединиться к ним и потребовать, чтобы в возможно непродолжительном времени был созван общий конгресс Интернационала.

В коротких словах мы постараемся изложить Вам те мотивы, которые заставляют нас требовать созыва общего конгресса, необходимого для того, чтобы удержать Интернационал от вступления на опасный путь, который приведёт неизбежно к его гибели.

С начала основания Интернационала был образован как известно, Главный Совет, который был должен, согласно уставу, служить центральным бюро для письменных сношений между секциями, по которому не была вручена абсолютно никакая власть, что было бы, впрочем, совершенно противоречащим самому духу Интернационала, который является выражением протеста против власти.

Рамки деятельности Главного Совета точно определены следующими статьями основного устава и общим регламентом:

«Основной устав. – Статья 3. – Образован Главный Совет из рабочих, представителей различных наций, примыкающих к Интернационалу. Совет состоит из членов президиума –председателя, главного секретаря, казначея и частных секретарей для различных стран.

Ежегодно общий конгресс Интернационала назначает местопребывание Главного Совета, избирает его членов, предоставляя ему право кооптации добавочных членов...

В определенное конгрессом время, без особого на то приглашения, делегаты собираются в городе, где назначен конгресс. В случае непредвиденных препятствий Главный Совет может переменить место конгресса, не меняя, однако времени.

Статья 4. – Каждому общему Конгрессу Главный Совет обязан представить подробный доклад о своих работах за истекший год. В случае необходимости, он может созвать конгресс ранее назначенного времени.

Статья 5. – Главный Совет должен установить сношения с отдельными рабочими ассоциациями, таким образом, чтобы рабочие каждой страны были постоянно в курсе рабочего движения в других странах; чтобы возможно было сразу иметь понятие о социальном положении рабочих в разных странах, чтобы все предложенные каким-нибудь союзом вопросы, имеющие общий интерес были бы подвергнуты рассмотрению всех секций, и, чтобы, когда какая-либо практическая идея или возникшие затруднения потребовали бы выступления всего Интернационала, этот последний мог бы проявить свою деятельность всюду единым образом...

Главный Совет должен издавать бюллетень, чтобы облегчить свои сношения с федеральными комитетами.

Регламент. Статья первая. – Главный Совет обязан исполнять постановления конгрессов.

Для этой цели он собирает все документы, присылаемые ему федеральными Комитетами различных стран и получаемые- Советом другим путем

Главному Совету поручается организация конгрессов и ему вменяется в обязанность ознакомить с программой предстоящего конгресса все секции через посредство федеральных комитетов различных стран.

Статья 2. – Главный Совет должен издавать, поскольку позволят ему средства, бюллетень, содержащий всё, что может интересовать международную ассоциацию: спрос и предложение труда в различных областях, кооперативные товарищества, положение рабочих классов в разных странах и т. д.»

Главный Совет был оставлен на первый год в Лондоне по многим причинам; в Лондоне происходил митинг, положивший начало Интернационалу, и кроме того, Лондон представлял город, где члены Главного Совета могли чувствовать себя более в безопасности, чем в других европейских городах.

На последующих общих конгрессах Интернационала, в Лозанне (1867 г.) и в Брюсселе (1869 г.), Главный Совет был также оставлен в Лондоне. Что же касается до состава Совета то все, кто присутствовал на конгрессах знают, как происходили выборы членов Главного Совета: конгресс вотировал за списки, представленные Главным Советом; большинство лиц, стоявших в этих списках, были абсолютно неизвестны делегатам. Доверие простиралось так далеко, что Главному Совету давалось право кооптировать в свою среду всех лиц, которых он найдет нужным. Благодаря этому, избрание Главного Совета общим конгрессом превратилось в чисто фиктивное действие. В самом теле, Главный Совет, после избрания, мог сам принять в свою среду всех лиц, которые могли бы совершенно изменить его физиономию.

На Базельском конгрессе слепое доверие достигло почти до полной отдачи себя в руки Главную Совета. Благодаря *административным постановлениям* Главный Совет мог вносить незаметным образом чувствительные изменения в основной устав, где автономия каждой секции и каждой группы в секции была ясно и определенно провозглашены. Судите сами:

Административная резолюция Базельского конгресса: Резолюция VI. «Главный Совет имеет право распустить до будущего конгресса какую-либо секцию Интернационала».

«Резолюция VII. – Когда между секциями, или национальными группами возникнут какие-либо недоразумения, Главный Совет имеет право высказать своё суждение по поводу разногласий, предоставляя право апелляции предстоящему конгрессу, который может вынести окончательное решение по данному вопросу.»

Принять такие постановления значило дать в руки Главному Совету опасную власть, и Базельский конгресс имел оплошность принять эти постановления и не подумал, какие могут произойти от этого результаты.

Нужно признать тот неоспоримый факт, подтверждающийся тысячи раз на опыте, что власть портит всех людей, в руки которых она попадает. Совершенно невозможно, чтобы человек, имеющий власть над себе подобными оставался бы человеком нравственным.

Главный Совет не мог избежать этого фатального закона. Состоящий в течение пяти лет подряд из одних и тех же лиц, постоянно переизбираемых, и облечённый в силу Базельских постановлений большой властью над секциями, он кончил тем, что стал смотреть на себя как на законного главу Интернационала. Мандат члена Главного Совета сделался в руках некоторых личностей как бы их личной собственностью, и Лондон стал казаться им

бессменной столицей Интернационала. Мало-помалу эти лица, которые, в действительности, должны быть нашими уполномоченными, но, большинство которых, на самом деле, ни от кого не получали никаких полномочий, не быв избраны никаким конгрессом, – эти лица, говорим мы, привыкнув идти впереди и во главе движения и говорить от имени Интернационала, стали стремиться сделать господствующими в Интернационале свои теории и свою личную программу. Сделавшись, своего рода правительством. Главный Совет, вполне естественно, стал рассматривать свою личную доктрину, как официальную теорию Интернационала. Все другие идеи, расходящиеся или противоречащие этой теории, исходящие от других групп, стали считаться ересями. Таким образом, постепенно сложилась и образовалась ортодоксия, центром которой явился Лондон, а представителями – члены Главного Совета. Вскоре секретари-корреспонденты Главного Совета для различных стран стали видеть свою миссию не в том, чтобы служить нейтральными и беспристрастными посредниками между различными федерациями, но превратились в апостолов ортодоксальной доктрины и стали вербовать пропагандистов этой доктрины, ставя на первое место интересы секты, а не общие интересы всего Интернационала.

Что должно выйти из всего этого? Главный Совет должен был встретить, неизбежно, на этом новом пути оппозицию. Благодаря этому началась борьба; а с нею на сцену выступили личные ссоры. Главный Совет становится очагом интриг; оппозиционеров предают проклятию, пускают в ход клевету; в среде Интернационала открытая война раздражается.

После Базельского конгресса в 1869 году общие конгрессы Интернационала не созывались. Главный Совет был предоставлен самому себе в течение двух последних лет. Франко-немецкая[76] война послужила причиной перенесения конгресса в 1870 году на следующий год; но в 1871 году этот конгресс был заменен тайной конференцией, созванной Главным Советом, хотя в Уставе нигде не говорится, что Главному Совету разрешаются подобные вещи. Эта тайная конференция не являлась истинной представительницей Интернационала, так как многие секции, в частности наша, не были на неё приглашены. Эта Конференция, которая не могла никоим образом присвоить себе права конгресса, тем не менее взяла на себя смелость вотировать постановления, вносящие существенные изменения в основной устав, которые стремятся превратить Интернационал из свободной федерации автономных секций, в иерархическую и властную организацию, находящуюся всецело в руках Главного Совета. Главный Совет может, в силу этих постановлений по своей собственной воле принять или отказать в приёме в Интернационал любой федерации или группе, или же распустить секцию и прекратить её деятельность. Чтобы увенчать здание, Конференция приняла еще постановление о том, что Главный Совет назначит сам время и место будущего общего конгресса Интернационала или *Конференции, которая заменит этот конгресс*. Таким образом, мы имеем уже реальную угрозу, что общие конгрессы могут не созываться и вместо них мы будем иметь, по милости Главного Совета, секретные Конференции, аналогичные той, которая происходила в Лондоне.

Пред лицом этих фактов, что должны мы делать?

Мы не обвиняем Главный Совет. Лица, составляющие Главный Совет, стремятся, вполне искренно думая, что так будет лучше, к торжеству своих личных доктрин и хотят ввести в Интернационал принцип власти. Обстоятельства благоприятствовали этим стремлениям, и вполне естественно, что эта школа, идеал которой заключается в *завоевании политической*

власти рабочим классом, пришла к заключению, что вследствие последних событий, необходимо изменить первоначальную форму организации Интернационала и превратить его в иерархическую организацию, управляемую Центральным Комитетом.

Но, если мы находим объяснение этим фактам и этим стремлениям, мы, тем не менее, нисколько не имеем желаний подчиниться им, а, наоборот, считаем своим долгом бороться против них, бороться во имя той Социальной Революции, к которой мы стремимся, и программа которой говорит: «Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Это освобождение должно быть достигнуто помимо всякой власти, даже помимо власти, избранной самими рабочими.

Мы просим поддержки в Интернационале, и просим встать секции на защиту их автономии, которая была до сих пор основой Интернационала. Мы требуем, чтобы Главный Совет, права и обязанности которого были изменены постановлениями Базельского конгресса, удовольствовался бы своей нормальной ролью, которая заключается лишь в том, чтобы он был простым корреспондентским бюро, центром статистики; – то единство, которого Главный Совет стремится достигнуть путем централизации и диктатуры, мы хотим добиться при помощи свободной федерации автономных групп.

Будущее общество не должно быть ничем иным, как той организацией, типом которой является теперь Интернационал. Следовательно, мы должны заботиться возможно более приблизить нашу организацию к идеалу. Каким же образом хотят, чтобы свободное общество равных вышло из авторитарной организации? Это невозможно, Интернационал – зародыш будущего общества – должен быть уже теперь верным отражением наших принципов свободы и федерации, и отбросить всякую идею, стремящуюся к власти, к диктатуре.

Мы настаиваем на необходимости скорейшего созыва общего конгресса Интернационала.

Да здравствует Международная ассоциация рабочих.

Сонвилье, 12 ноября 1871 года.

Делегаты на конгрессе Юрской Федерации: Генри Девенож, Леон Швицгебель, Фриц Шуи, Жустин Гербер, Х. Гофер, Фредерик Грозье, Август Спишигер, Николай Жуковский, Жюль Гед, Шарль Шопар, Альфре Жанрено, Нума Бранд, Джеймс Гильом, Дюпии, А. Шепер, Луи Картье.»

II. Отклики на воззвание конгресса в Сонвилье. – Брошюра Бакунина: Политическая теология Мадзини и Интернационал

Воззвание конгресса Юрской Федерации в Сонвилье, разосланное всем национальным центральным организациям Интернационала, было встречено одобрительно в Испании, Италии, Бельгии и Франции. Испанский и итальянские секции были уже до получения воззвания юрцев глубоко возмущены постановлениями Лондонской конференции и стремлениями Главного Совета. Делегат испанских секций на Лондонской конференции, Ансельмо, Лоренсо, вернувшись в Испанию, говорил, что Главный Совет Интернационала является «двором Карла Маркса». «Я невольно краснел, добавляет он, когда увидал с каким рабским подобоострастием относится большинство членов Главного Совету к Марксу, который царствовал в Совете как неограниченный властитель[77]». Между тем Лоренсо не был сторонником Бакунина и поехал в Лондон полный уважения к Марксу и его учёности. Вероятно, чтобы агитировать в пользу Главного Совета, в декабре месяце 1871 году в Испанию приехал зять Карла Маркса Поль Лафарг, который успел привлечь на сторону Маркса несколько видных испанских интернационалистов, убедив их, что борьба, предпринятая горцами против Главного Совета, ведётся ими лишь из-за личных интриг.

В Италии воззвание Юрской Федерации было встречено также сочувственно и перепечатано в «Красной Газете», издававшейся в Милане, а также и некоторыми другими рабочими газетами. В «Красной Газете» в номере от 29 декабря было помещено также письмо, подписанное группой интернационалистов в котором между прочим, говорилось: «глубоко убежденные, что принцип автономии секций, федераций областных и национальных, составляет истинную силу Интернационала... признающие за Интернационалом блестящее будущее, мы думаем, что Интернационал не может быть подчинён воле или власти каких-либо личностей, но должен быть делом коллективной деятельности и свободы поэтому мы принимаем предложение Юрской Федерации о созыве общего конгресса, который должен положить конец авторитарным стремлениям Главного Совета».

Несмотря на то, что Энгельс, бывший секретарём в Главном Совете по делам Италии, стремился в своих письмах доказать правоту Главного Совета и обвинял Бакунина и его юрских друзей в интригах, большинство итальянских секций признавали законность и правильность требований Юрской Федерации. Клевета и нападки Энгельса на Бакунина имели даже как раз обратные результаты и главный корреспондент Энгельса в это время, один молодой итальянец, лично бывавший у Маркса и Энгельса в Лондоне и разделявший их идеи, вскоре перешёл на сторону Бакунина. Этот молодой человек был Карло Кафиеро[78].

В Бельгии воззвание Юрской Федерации было получено перед открытием годового конгресса бельгийских секций Интернационала и вопрос о созыве общего конгресса Интернационала был поставлен в порядок дня. После обсуждения этого вопроса конгресс принял следующее постановление:

«Бельгийская Федерация, собравшаяся на конгресс 24 и 25 декабря 1871 г. –

Принимая во внимание нелепые клеветы, распространяемые реакционными газетами о том, что Интернационал представляет собой организацию, деспотически подчиняющуюся дисциплине и приказам, исходящим сверху

Считая, что, наоборот, Интернационал, стремящийся действовать против деспотизма и централизации, должен всегда сообразовать свою организацию со своими поисками, принципами;

Объявляет, раз и навсегда, что Интернационал является и должен быть объединением автономных федераций;

Что Главный Совет есть лишь центр для корреспонденции и справок:

Бельгийская федерация приглашает все областные и национальные Федерации вынести такие же постановления, чтобы доказать ложность всех обвинений со стороны тех, кто хочет представить нас как послушное орудие в руках нескольких лиц;

Принимая во внимание, с другой стороны, что устав Интернационала, принятый при основании Интернационала и частично дополненным на общих конгрессах, не ярко выражает все права федераций и не отвечает существующей практике;

Заявляет, что необходимо предпринять полный пересмотр устава;

Вследствие этого, Бельгийская Федерация поручает федеральному бельгийскому Совету составить проект нового устава и опубликовать его во всеобщее сведение, чтобы все секции могли обсудить его, прежде чем он будет подвергнут обсуждению на конгрессе бельгийской федерации этот проект устава должен быть представлен будущему общему Конгрессу Интернационала.

Бельгийская Федерация приглашает все другие Федерации сделать то же самое, чтобы будущий интернациональный конгресс мог заключить окончательный федеративный договор».

В то время, как в Юрской Швейцарии, в Испании, Италии и Бельгии, нарастал протест против действий Главного Совета, в то время, как Главный Совет посылал в Испанию Лафарга, а Энгельс старался в письмах к итальянским интернационалистам оклеветать Бакунина и представить, что вся затеянная история является интригой Бакунина против Маркса, – в это время Бакунин продолжал жить самым мирным образом в Локарно и был поглощён своей брошюрой – «*Теологическая политика Мадзини и Интернационал*». В этой брошюре Бакунин, определяя свои коллективистский идеи, между прочим, говорит: «только коллективный труд создаёт цивилизацию и богатство. Эта истина, раз понятая и принятая, предполагает только две возможных формы собственности или эксплуатации социального богатства: существующую буржуазную форму, то есть эксплуатацию коллективного труда отдельными привилегированными личностями... или же новую форму... *коллективной собственности...*»

Интересно отметить, что в этой брошюре Бакунин, говоря о новой форме коллективной собственности, идущей на смену частной буржуазной собственности, указывает, что эта «идея была высказана и развита вот уже более двадцати лет главным образом Карлом Марксом». Таким образом, мы не видим у Бакунина стремления затушевать или уменьшить научные заслуги Маркса. Воззвание Юрской Федерации о необходимости созыва общего конгресса Бакунин получил только в конце ноября; он считал действие конгресса в Сонвилье вполне правильными и находил, что воззвание есть вполне «законный протест» юрцев.

III. «Бюллетень Юрской Федерации». – Приезд Кропоткина в Швейцарию – Поль Лафарг в Испании. – «Alianza социалистической демократии» в Испании. – Знакомство с Реклю

В начале 1872 года Юрская Федерация, чтобы укрепить связь между секциями и более широко распространить свои идеи, решила основать свой собственный печатный орган. Первый номер этого органа вышел 15 февраля 1872 года под названием – «Бюллетень Юрской Федерации». В этом номере был помещён отчёт о конгрессе в Сонвилье и резолюция конгресса бельгийских секций, которая приведена нами в предыдущей главе.

В четвёртом номере «Бюллетеня Юрской Федерации» была напечатана статья по поводу годовщины Парижской Коммуны. В этой статье говорилось:

«18 марта стоило слишком дорого пролетариату, чтобы можно было считать этот день годовщиной радости. Нет, 18-ое марта, которым открывается, трагическая история Парижской Коммуны, пробуждает в нас печальные думы: воспоминание о поправном праве и торжествующем зле.

Не нужно создавать себе иллюзий: с практической точки зрения 18-ое марта принесло большой вред делу Революции, наступление которой, благодаря поражению Коммуны, отодвинуто быть может на многие годы.

Но от этого поражения остаётся один хороший результат: социалистическая революционная идея вышла наконец из области теоретических абстракций и в первый раз проявилась

конкретным образом. Социалисты перешли от идей к действию»

В марте месяце в Швейцарию приехал из России один молодой социалист, происходивший из старинного княжеского рода. Это был Пётр Алексеевич Кропоткин, которому позднее суждено было стать главным продолжателем дела Бакунина и его юрских друзей. Он приехал познакомиться с Интернационалом и его деятельностью. Прожив некоторое время в Цюрихе среди русской молодежи, Кропоткин посетил затем Женеву, где познакомился с Николаем Утиным и другими членами интернациональной секции. Утин принял Кропоткина очень хорошо и ввёл в среду интернационалистов Женевы, но скоро Кропоткин был разочарован кружком Утина, который на публичных собраниях говорил одно, а в тесном кругу друзей – другое. Кропоткин присутствовал на нескольких заседаниях Комитета и на публичных собраниях. Это было как раз в тот момент, когда известный в то время женевский адвокат Амберни, член Интернационала получил от кантонального Комитета обещание, что Комитет постарается помешать строительным рабочим устроить стачку. Кропоткин был очень удивлён и разочарован, когда Утин дал ему понять, что стачка в данный момент могла бы отрицательно отозваться на избрании адвоката Амберни. Это сообщение открыло Кропоткину глаза и после этого он пожелал тогда познакомиться с другой фракцией швейцарского Интернационала, которая вела борьбу с Утиным и его друзьями, и с Главным Советом. Кропоткин познакомился с Н. Жуковским и тот дал ему рекомендательное письмо к Гильому, одному из видных деятелей Интернационала в Юрских горах. В Юре Кропоткин подружился, кроме Гильома, с Швицгебелем и многими другими членами Юрской Федерации. Юрцы произвели на Кропоткина очень хорошее впечатление и вот в каких словах он сам описывает свое пребывание среди юрцев в своей известной книге – «*Записки Революционера*»: «юрские часовщики отличались большой самобытностью и большой независимостью. Но также и отсутствием разделения на вожakov и рядовых объяснялось то, что каждый из членов федерации стремился к тому, чтобы самому выработать собственный взгляд на всякий вопрос. Здесь работники не представляли стада, которым вожаки пользовались бы для своих политических целей. Вожаки здесь были просто более деятельные товарищи, скорее – люди почина, чем руководители. Способность Юрских работников, в особенности средних лет схватить самую суть идеи, и их умение разбираться в самых сложных общественных вопросах произвели на меня глубокое впечатление; и я твёрдо убеждён, что если Юрская Федерация сыграла видную роль в развитии социализма, то не только потому, что стала проводником безгосударственной и федералистской идеи, но ещё и потому, что этим идеям дана была конкретная форма здравым смыслом юрских часовщиков. Без неё, они, вероятно, ещё долго оставались бы в области чистой отвлеченности[79]».

С основанием Юрской Федерации нападки и клеветы со стороны Главного Совета и марксистов не только не уменьшились, но, наоборот, сильно увеличились. Сторонники Маркса стали распускать слух, что в Сонвилье образовался тайный комитет обширной организации, которая поставила своей целью уничтожить Главный Совет Интернационала и захватить затем Интернационал в свои руки. Вожаком и вдохновителем этой тайной организации являлся, конечно, Бакунин, хотя Бакунин ни давал положительно никакого повода к такому обвинению. Он продолжал безвыездно жить в Локарно и был поглощён, главным образом, заботой о добывании средств существования для своей семьи. Мы уже говорили выше насколько приходилось бедствовать Бакунину в 1871 году, к началу 1872

года нужда ещё более увеличилась и семье Бакунина приходилось буквально голодать. Насколько печально было материальное положение Бакунина в это время мы можем видеть из писем жены Бакунина к Огареву. Вот эти письма:

«9 февраля 1872 г. Локарно.

Николай Платонович! Нужда теснит нас. Хозяйка отказала бы нам в квартире, если бы мы не выплатили к 8 февралю, – месячный срок найма квартиры, 317 франков. – Мы были принуждены сделать letter de change в 300 франков и в конце февраля мы должны будем выплатить эту сумму в здешний национальный банк, иначе у нас опишут все наши вещи. Николай Платонович, вы легко поймёте моё отчаяние, мой ужас, не из-за страха потери наших вещей, но нам после этого нельзя будет даже оставаться в Локарно. Я все средства уже истощила, я не знаю, что делать. Семья моя далеко. Мишель не имеет никаких средств, а у меня двое маленьких детей. Николай Платонович, вы старый друг Мишеля, постарайтесь помочь нам, спасите нас от горького стыда описания нашего бедного имущества. Отвечайте, отвечайте скорее ради всего, что есть для вас святого.

Простите беспорядок моего письма, но мне так тяжело, что и голова то не ясна. Пишу без ведома Мишеля, который был бы против моего письма.

Антони Бакунина»

«Николай Платонович. – Не сейчас отвечала вам потому, что мне грустно было; не знаю как, но я имела надежду, что вы успеете помочь нам. Ошиблась. Простите беспокойство, бесполезную тревогу, причинённую вам моим письмом. Ничего не пишите о моём письме Мишелю. К чему! Arrive se que arrive, не нам первым, не нам последним познакомиться близко с настоящей нуждой. До этих пор мы как-то счастливо её избегали, а теперь, вероятно, придётся и нам заплатить ей дань...

Простите короткость моего письма, а также, что посылаю его не франкированным, в эту минуту мы a la letter sans son[80].

Преданная вам Антони Бакунина 18 февраля 1872.

Locarno.

Бакунин не хотел вступать в полемику с марксистами и не хотел опровергать их клеветы, так как, он сознавал, что это вызовет ещё большее ожесточение с их стороны. Вот что писал Бакунин в письме к итальянскому социалисту Серетти по поводу компании марксистов:

«Нападки еврейско-немецкой секты для меня не являются новостью. Вот уже с 1848 года... до настоящего момента я воздерживался отвечать на эти нападки. Мне кажется, что они задались целью, чтобы я прервал своё молчание. Хотя и против своей воли, мне придется

сделать это. Мне противно вмешивать наши личные счёты в великий идейный спор, и ничто меня так сильно не коробит, как то, что я должен служить объектом внимания со стороны публики. Я делал всё, чтобы моя фамилия не фигурировала в полемических статьях по поводу Интернационала, печатавшихся в итальянских газетах. Я прекратил даже с этой целью печатание моих статей против мадзинистов, и когда г. Энгельс косвенным образом задел меня в своём ответе Мадзини, я удержался и ничего не ответил... В настоящее время они распускают относительно меня разного рода клеветы. В тот момент, когда я получил ваше письмо, я получил подобное же письмо из Милана, и другое из Неаполя; в них сообщаются компрометирующие меня клеветы. Ввиду этого я решил напечатать в итальянских газетах протестующее письмо, адресованное интриганам Главного Совета. Я это сделаю обязательно, если они выведут меня из терпения. Но, прежде чем это делать, я хочу попытаться в последний раз пойти путем примирения; я думаю написать частное письмо в Главный Совет, копию которого пошлю вам. Если Главный Совет не даст мне удовлетворяющий меня ответ, тогда я заставлю его объяснить его поведение по отношению ко мне публично».

К сожалению, Бакунин не привёл в исполнение свой проект: он не написал ни письма частного характера Главному Совету, ни напечатал официального вызова в газетах. Это отчасти ещё более придало смелости его врагам и заставило усилить свои клеветы.

Между тем борьба марксистов и бакунистов начинала затрагивать и рабочие круги. Первые результаты этой борьбы обнаружались в Испании.

Мы уже говорили, что в Испании в 1868 году под влиянием пропаганды Фанелли был в то же время членом бакунистского Альянса социалистической демократии и попутно с организацией секций Интернационала основывал и группы Альянса, объединяя в них наиболее активных и революционно настроенных работников. Когда в 1869 году Альянс добровольно распустил себя и закрыл свои секции, предложив всем группам преобразоваться в секции Интернационала, то испанские члены Альянса, распустив официально секции Альянса, решили всё-таки сохранить прежнюю связь между собой и образовали новый товарищеский союз, который они также называли «Альянсом социалистической демократии». В этот новый союз вошли Рафаель Фарга-Пелиссье, типограф из Барселоны, Жозе Пелиссье, маляр из Барселоны, Кордова и Лопес, журналисты из Мадрида, Хосе Рубо, депутат из Мадрида, Томас Гонсалес Мораго, гравёр, из Мадрида Анхель Сенегорта, портной из Мадрида, Гаспар Сантиньон, доктор из Барселоны и Сельмо Гомис из Барселоны.

Эта группа лиц, объединившись для революционной пропаганды, приняла следующей устав:

«1. – *Альянс социалистической демократии* основан членами Международного Товарищества Рабочих и имеет своей целью пропаганду и развитие идей Интернационала, изучение и применение на практике всех средств, могущих служить для достижения немедленного освобождения рабочего класса.

2. – Чтобы достигнуть наилучших результатов и не мешать развитию самого Интернационала, Альянс будет тайной организацией.

3. – Для приёма новых членов избирается из членов Альянса особая комиссия, которая тщательно должна рассмотреть мотивы и характер побуждающие человека вступить в члены Альянса. Кандидат принимается если за его приём высказается большинство членов Альянса, предварительно заслушав доклад приёмной комиссии.

5. – Альянс должен, насколько будет возможно, оказывать своё влияние в рабочей федерации, чтобы эта федерация не могла уклониться на реакционный или антиреволюционный путь.

8. – Между всеми членами Альянса должна существовать полная солидарность и все постановления, принятые большинством Альянса, обязательны для всех членов...

9. – Большинство членов может исключить из Альянса любого члена без указания мотивов».

Статьи 4, 6, 7, 12-13 содержали положения чисто административного характера и потому не представляют для нас никакого интереса.

В течение 1870-71 годов группы Альянса были основаны в Валенсии, в Севилье, в Кордове, Кадисе и в Мадриде.

Когда в Мадрид приехал зять Маркса Поль Лафарг он вошёл в дружбу с членами мадридской группы Альянса Мора и Меса. Мора и Меса настолько поверили в искренность намерений Лафарга ознакомиться с организацией испанского пролетариата, что предложили ему стать членом Альянса. Но, когда Лафарг узнал, что наиболее видные деятели Альянса являются друзьями Бакунина, он тотчас же написал обо всём этом Марксу и Энгельсу и получил от них ответ, что Альянс в Испании необходимо во чтобы ни стало разрушить.

С этой целью был придуман такой план: ввиду того, что в этот момент испанское правительство намеревалось открыть преследование против Интернационала, Федеральный совет под влиянием Лафарга решил организовать на случай борьбы тайную организацию наиболее активных членов Интернационала под наименованием «*Защитников Интернационала*». Мысль Лафарга была такова: разрушить Альянс, поглотив его и растворив его в другой организации. В этом признаётся и сам Маркс, который в своём памфлете «*Альянс социалистической демократии*» пишет по этому поводу: «Испанский федеральный совет понял, что необходимо как можно скорее освободиться от Альянса. Правительственные преследования *послужили для него предлогом*. Чтобы принять меры на случай роспуска Интернационала, совет предложил образовать тайные группы «*Защитников Интернационала*» в которых должны нечувствительно раствориться секции Альянса. Но, Альянс, *предугадав сокровенную цель этого плана*, разрушил его[81].

Для приведения этого плана в исполнение весной 1872 года в разные города Испании были посланы федеральным советом два члена с целью организовать всюду группы «*Защитников*

Интернационала,». – Этими делегатами были Мора, знавший хорошо истинную причину основания новой организации, и Ансельмо Лоренсо для которого была скрыта эта цель.

Мора направился в Каталонию, а Лоренсо поехал в Андалусию. Лоренцо говорит, что он был встречен всюду очень радушно и в Андалусии группа Альянса очень охотно преобразовалась в «Защитников Интернационала». Так что совершенно неверно утверждение Маркса, что «испанские альянсисты предугадали сокровенную цель этого плана и разбили его». Никто из членов Альянса не подозревал, что они являются орудием в руках интриганов и сам пропагандист идеи о необходимости создания групп «защитников Интернационала» Ансельмо Лоренсо вполне искренно был убеждён, что федеральный совет принял эту меру для действительной защиты Интернационала.

Между тем с 4 до 11 апреля 1872 года должен был состояться в Сарагосе годичный конгресс всех испанских секций. На этот конгресс прибыло около 40 делегатов. В числе делегатов был и Лафарг, который получил мандат от федерации города Алькала де Энарес, и выступавший на конгрессе под фамилией Пабло Фарга. Лафарг успел привлечь на свою сторону много делегатов. Но тем не менее много делегатов осталось, всё-таки недовольно деятельностью прежнего федерального комитета и при выборах нового комитета все члены прежнего комитета, за исключением одного Ансельмо Лоренсо, были забаллотированы. Местопребывание федерального совета решено было перенести из Мадрида в Валенсию.

Видя, что его усилия подчинить себе федеральный комитет не увенчались успехом, Лафарг решил привлечь на свою сторону некоторых членов нового комитета; с этой целью он пригласил в Мадрид двух наиболее видных и деятельных членов нового комитета – Монторо и Мартинеса – обещая им перенести издание газеты «Освобождение» из Мадрида в Валенсию.

Продолжение испанских событий будет рассказано ниже в следующей главе.

Здесь я должен отметить начало моего знакомства и дружбы с братьями Эли и Элизе Реклю.

Как известно, Элизе Реклю был взят в плен версальскими войсками 4-го апреля 1871 года при атаке у Шатильонского холма, и после семимесячного заключения по разным тюрьмам, был приговорен к ссылке в Новую Каледонию, и лишь благодаря вмешательству европейских учёных эта ссылка была заменена ему десятилетней высылкой за пределы Франции. Элизе был выслан в Швейцарию, где он поселился сначала в Цюрихе, у своего старшего брата Эли, у которого уже жили в это время жена Элизе и две его дочери. Моя дружба с Элизе Реклю росла и крепла с годами. Поселившись с 1874 года в Веве, Элизе стал активным членом Юрской Федерации. Эта дружба позднее ещё более сделалась прочной, когда мы оба переселились в Париж. Мы никогда не расходились с Элизе во взглядах на все серьезные вопросы. После тридцати-трехлетней дружбы, в наше последнее свидание, 1-го мая 1905 года, в небольшой комнатке, где остановился Элизе, приехав на несколько дней из Брюсселя в Париж, (123, бульвар Монпарнас) и только за два месяца до его смерти, мы беседуя друг с другом, констатировали наше полное совпадение взглядов и надежд относительно синдикального движения французского пролетариата, объединённого во Всеобщую Конфедерацию Труда. В тот день вечером Элизе прислал мне следующую небольшую записку, которая была последним письмом Элизе, полученным мной от него.

Записка эта была следующего содержания:

«Мой друг и товарищ!

Перемена ветра заставила меня изменить мои планы и поспешить уехать в Бельгию. Я тем более счастлив, что успел повидаться с вами прежде, чем мне пришлось покинуть Париж. Я с большим удовольствием выслушал от Вас изложение плана вашего сочинения[82]. Появление этого произведения в свет будет большим событием.

Сердечно расположенный Элизе Реклю.

Понедельник вечер».

IV. «Юрская федерация в апреле-мае 1872 года. – Развитие Интернационала в Италии. – Среди испанских секций Интернационала; письма Бакунина к Мора, Лоренсо и Мораго

Борясь против Юрской Федерации и Бакунина, Утин стремился посеять вражду к юрцам и среди швейцарских рабочих. Почти в каждом номере газеты «Равенство», издаваемой Утиным в Женеве и являвшейся официальным органом Романской Федерации, мы встречаем статьи, где Утин возводил на юрцев всевозможные обвинения.

Федеральный Комитет Юрской Федерации старался, по возможности воздерживаться от полемики, продолжая вести пропаганду своих идей. 19-го мая 1872 года в Локле был созван общий годичный конгресс Юрской Федерации. В числе других вопросов на конгрессе обсуждался вопрос и об отношении к Главному Совету Интернационала. В докладе по этому вопросу говорилось:

«Со времени конгресса в Сонвилле, на котором мы имели смелость подвергнуть сомнению непогрешимость Главного Совета, наша федерация и её наиболее достойные представители не перестают подвергаться постоянным клеветам и нападкам со стороны Главного совета и его агентов во всех странах. Эта глухая, подпольная борьба против нашей Федерации приняла за последнее время такой характер, что всякое примирение, кажется, невозможно;

и поэтому, мы считаем, что в интересах всего рабочего дела, мы должны добиваться, чтобы этот вопрос был бы подвергнут подробному и всестороннему рассмотрению на общем конгрессе Интернационала, который обязан восстановить поправленную справедливость».

Весной 1872 года в Италии произошло одно важное событие, имевшее большое влияние на развитие Интернационала в этой стране: один из самых энергичных в видных деятелей итальянской секции Интернационала, Карло Кафиеро, в апреле и мае 1872 года познакомился лично с Бакуниным и сделался его близким другом. Выше я уже говорил, что Кафиеро был в очень хороших отношениях с Энгельсом и поддерживал с ним постоянную переписку; я уже говорил, что Энгельс в своих письмах стремился дискредитировать Бакунина в его теории, но стремления Энгельса достигли как раз обратного результата. Систематические нападки Энгельса на Бакунина заставили Кафиеро задуматься над причиной такого злобного отношения и Кафиеро решил лично познакомиться с Бакуниным, чтобы самому убедиться в правоте нападок Энгельса. Обменявшись с Бакуниным несколькими письмами, Кафиеро сам поехал к Бакунину и вскоре стал его ревностным учеником.

20-го мая он приехал в Локарно в сопровождении Фанелли, и пробыл здесь до 18 июня. Из дневника Бакунина за этот период мы видим, что он проводил с Фанелли и Кафиеро целые дни. 3-го июня Кафиеро написал Энгельсу большое письмо по поводу отношения Энгельса к Бакунину; Кафиеро дал прочесть его самому Бакунину. Письмо было написано в таком резком тоне, что Энгельс никогда не упоминал об этом письме и сделал вид, что он его не получал.

Из дневника Бакунина за этот же период мы видим, что он был также в переписке с двумя испанскими интернационалистами Алерини и Сентиньоном. Из переписки видно, что Бакунин не знал в это время ничего о существовании в Испании особой организации «Альянса». Конечно, оба испанских корреспондента Бакунина знакомили его в своих письмах со всем тем, что происходит в испанском рабочем движении и Алерини, описывая раздоры между двумя вождями интернационалистов Испании – Мора и Мораго, просил Бакунина написать письмо к Мора (которого Бакунин лично не знал), чтобы повлиять на него и заставить его прекратить своё враждебное отношение к Мораго.

Получив письмо от Алерини, Бакунин немедленно, в тот же день, 5-го апреля, написал и послал письмо к Мора. Это письмо послужило для марксистов обвинительным документом против Бакунина. Марксисты, приводя это письмо, доказывали, что Бакунин являлся, по выражению Лафарга, «папой», посылающим из своего «таинственного центра» в Локарно свои приказы верным подданным. Хотя письмо, написанное Бакуниным к Мора и было само по себе совершенно невинного содержания. В этом письме Бакунин называет Мора «дорогим союзником и товарищем», такое обращение дает марксистам повод утверждать, что Бакунин знал о существовании испанского тайного Альянса. Далее Бакунин говорит: «Мои друзья из Барселоны просили написать вам...» и затем излагает идеи, изложенные в воззвании конгресса в Сонвилье. После этого Бакунин добавляет: «наша программа (Юрской Федерации) есть также и ваша программа, она та же самая, которую вы развивали на вашем конгрессе прошлого года (в Барселоне); и если вы остаётесь верными этой программе, – то вы с нами, мы ненавидим диктатуру, говернементализм, власть так же, как ненавидите вы...

Человек так устроен что всякая власть вырождается неизменно в эксплуатацию... Мы рассматриваем Лондонскую конференцию и все её резолюции как амбициозную интригу и как опасный для Интернационала поворот, вот почему мы и протестовали против этого и будем протестовать до конца...»

Дальше в своем письме Бакунин говорит о движении в Италии и видит причину успеха революционных идей в том, что в Италии в движение вступил целый ряд энергичных и горячих юношей, при чём он приводит целый ряд фамилий, как, например, Фанелли, Фрисчия, Тугчи, Гамбуцци и др. Заканчивая своё письмо, Бакунин просит Мора после прочтения «сжечь его, так как в нём приведены фамилии».

Мора, получив это письмо вместо того, чтобы уничтожить это письмо, как просил Бакунин, передал его Лафаргу, который, со своей стороны, постарался доказать, что это письмо является неопровержимой уликой тайной диктатуры Бакунина и поэтому на основании этого письма требовал беспощадной войны против Альянса и *альянсистов*.

Один момент можно было думать, что резолюция, принятая на конгрессе в Сарагосе, положила конец раздорам в мадридской секции. Действительно, согласно решению конгресса, мадридская федерация аннулировала своё постановление об исключении шести членов редакции газеты «Освобождение». Однако, этот шаг примирения не привёл ни к чему. Редакция газеты «Освобождение», под влиянием Лафарга, начала борьбу против мадридской федерации, встав на сторону Главного Совета и защищая идеи власти и централизма.

В это время Ансельмо Лоренсо присутствовавший на конференции Интернационала в Лондоне, писал в одном из своих писем к своим барселонским товарищам по поводу всего, что ему пришлось увидеть в Лондоне и резюмировал свой вывод в следующих словах: «если правда всё то, что говорил Маркс о Бакунине, то Бакунин бесчестный человек, если же это неправда, то бесчестным человеком будет Маркс, – настолько были серьезны те обвинения, которые я услышал в Лондоне». Алерини и Фарга сообщили об этом Бакунину. Бакунин решил, наконец, заставить Главный Совет открыто высказать свои обвинения против него. Предварительно он решил написать Ансельмо Лоренсо письмо и спросить в чём обвиняет его Маркс. В своём письме к Лоренсо Бакунин писал, что он, лично, не питает никакой вражды к Марксу, а наоборот, относится к нему с уважением. «Я знаю Маркса давно, писал Бакунин, и всегда – уважал его, несмотря на все отрицательные стороны его характера – властность, самолюбие, ненависть ко всем, кто, не разделяя его убеждений, имел несчастье признаться в том, что он может принять ни его теории, ни, в особенности, его власти – считавшийся его почти идолопоклонствующими друзьями и учениками единственно верными и правильными. Констатируя все эти недостатки, которые часто разрушают всё доброе и хорошее что делает Маркс, я тем не менее, всегда высоко ценил – и многочисленные мои друзья могут это подтвердить – и всегда воздавал должное действительно выдающимся научным заслугам Маркса, его уму, его неутомимой, беззаветной и активной преданности делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю великие заслуги Маркса перед Интернационалом, одним из главных основателей которого он был, что является в моих глазах наиболее высшей заслугой Маркса. Наконец, я искренно думаю и теперь, что если бы Маркс, – ослеплённый своими честолюбивыми стремлениями и движимый своими идеями в истинность которых он верит и которые нам,

наоборот, кажутся заблуждениями, – вздумал лишить нашу великую ассоциацию своей поддержки, то это был бы большой удар для Интернационала... Но, однако, всё это не может служить причиной того, чтобы из боязни потерять сотрудничество Маркса, стать послушным орудием в руках Маркса и поэтому я не колеблясь заявляю что если нужно делать выбор между признанием теории Маркса или его уходом из Интернационала – я предпочту последнее».

Бакунин кончает свое письмо следующими словами: «Я буду ждать от вас правдивого описания дела во всех его подробностях. Я рассчитываю на вас как на друга Фанелли и как на союзника. Я прошу вас только не упоминать ни слова в вашем ответе об Альянсе, потому что Альянс является тайной организацией и каждый из нас, распространяя сведения о нём, совершил бы предательство[83]. Поэтому я прошу вас не называть меня союзником и писать мне как просто члену Интернационала. Я должен вас предупредить, что вашим ответом я воспользуюсь, как основой для обвинения моих противников. Я чувствую, что настала пора положить конец всем этим несчастным и подлым интригам, которые имеют единственной целью установление диктатуры марксистской партии на развалинах Интернационала. Я жду вашего ответа. С братским приветом.

М. Бакунин[84]».

Письмо Бакунина к Лоренцо было послано в Барселону не прямо, на адрес Лоренцо, которого не знал Бакунин, а на адрес общих друзей Бакунина и Лоренцо. Когда это письмо было получено в Барселоне, Лоренцо уехал уже из Валенсии, где он жил, и поэтому письмо Бакунина попало в его руки только 15-го августа. Лоренцо ответил Бакунину 24-го августа. Его письмо, сохранившееся в бумагах Бакунина, носит уклончивый характер. Он писал, что он оставил должность в федеральном испанском совете Интернационала, дабы не принимать участия в тайной борьбе, которая угрожает существованию Интернационала в Испании. Лоренцо писал также, что он не хочет вмешиваться и в ссору между Марксом и Бакуниным и поэтому он отклоняет от себя ту роль, какую предлагает ему Бакунин. Лоренцо писал:

«Товарищ Бакунин!.. Я не могу в точности назвать ни одного обвинения, которые направлены против вас Утиным... Что я услышал относительно вас в Лондоне было сказано на официальных заседаниях конференции и напечатано в документах, которые могут быть вами потребованы на предстоящем конгрессе в Гааге. Из этих документов вы увидите всё, что вас интересует, помимо меня, и, таким образом, я избегну роли доносчика... Я воздерживаюсь от споров по принципиальным вопросам. Я вам очень благодарен за изложение ваших идей, со своей стороны, я также считаю не лишним познакомить вас с моими взглядами, или, вернее, с моим убеждением относительно того, как должен относиться каждый интернационалист к организации. По моему мнению, каждый интернационалист должен признавать необходимость объединения всех рабочих в единую организацию, которая, представляя из себя социальную силу для борьбы против современного общества, или силу интеллектуальную, которая изучает, анализирует и проявляет себя сама, без всяких руководителей и учителей, и, в особенности, не ища помощи у тех, кто обладая научными знаниями, претендуют быть представителями

пролетариата[85]».

Насколько Бакунин был плохо осведомлён о всём, что делается в Испании, показывает его письмо, написанное им 21-го мая 1872 к Мораго[86]. (Отрывки из этого письма проведены у Неттлау (стр. 283). Из этого письма мы видим, что Бакунин не подозревал истинного характера испанского Альянса и не представлял себе, что эта организация чисто испанская и не находится в связи ни с какой тайной международной организацией. Обращаясь к Мораго, (к которому Бакунин писал в первый раз, как и к Лоренсо), Бакунин также напоминает о Фанелли и говорит об Альянсе 1868 года, от имени которого Фанелли вёл пропаганду в Испании и основал Интернациональную секцию в Мадриде.

V. Частный циркуляр Главного Совета, Мнимый Раскол в Интернационале. – Главный Совет созывает общий конгресс Интернационала в Гааге. – Из жизни Интернационала в Испании и в Италии

В июне 1872 года в Швейцарии появился печатный секретный циркуляр (в виде брошюры в 40 страниц) Главного Совета, направленный против Юрской Федерации. Циркуляр носил название – «*Мнимый раскол в Интернационале*», и был подписан 47 членами Главного совета.

История происхождения этого документа такова: Маркс, желая одним разом покончить с ненавистными ему юрцами и Бакуниным, собрав через своих агентов данные, сгруппировал их и снабдил их своими комментариями. Прочитав эту брошюру перед некоторыми членами Главного Совета, Маркс заставил их подписать брошюру и отпечатал её в виде «частного циркуляра» Главного Совета.

Член Главного Совета Поль Робен, бывший в это время в Лондоне, так рассказывает в своей *Оправдательной записке* об этом событии:

«Однажды вечером в конце мая 1872 года Маркс собрал у себя на квартире несколько верных ему членов Главного Совета и прочитал им своё новое произведение «*Мнимый*

раскол в Интернационале». Избранные выслушали с благоговением слова учителя. В следующем заседании Главного Совета было заявлено, что *подкомитет* составил и предлагает издать циркуляр по поводу швейцарских разногласий. Любопытным членам Совета, желавшим узнать детальнее в чём дело, отвечали, что вопрос, трактуемый в циркуляре, имеет чисто местный характер и совершенно незначительный, и что во всех подобных случаях прежде Совет давал своё согласие на веру. Предложение было принято без возражений. В одном из первых июньских заседаний Главного Совета членам была роздана брошюра, подписанная 47 членами Совета; брошюра была отпечатана в Женеве, в Лондоне же она раздавалась только избранным. Циркуляр был помечен *пятым числом марта* ...»

Циркуляр Главного Совета произвёл в Швейцарии гнетущее впечатление и один из видных деятелей Юрской Федерации[87] писала Андре Лео по этому поводу: «наши господа из Лондона опубликовали против нас циркуляр *секретно отпечатанный*. Я его получила случайно... Вероятно, это произведение Маркса. Как мог такой талантливый человек унижаться до того, чтобы написать подобную гнусную вещь? Для меня это совершенно непонятно».

Комментируя это письмо, Андре Лео писала: «все это для нашего общего дела очень печально. Люди, называющие себя строителями будущего, занимаются на деле интригами и пакостями, борясь клеветой и приёмами Макиавелли. Куда всё это может нас привести?.. Впрочем, я не удивляюсь. Эти люди – фанатики, они думают, что для торжества идей можно вполне губить тех, кто, по их мнению, является препятствием.

Прочитав циркулярное послание Маркса, многие из тех, против кого была направлена брошюра, совершили большую ошибку, ответив на страницах газеты «Бюллетень Юрской Федерации» на взводимые на них обвинения. Так с протестом и оправданиями выступили Тельер, бывший секретарь французской секции 1871 г. в Лондоне, Малон, Монтель, Кларис и Бакунин.

Бакунин в письме от 12-го июня, адресованном комитету Юрской Федерации, писал:

«Дамоклов меч, так долго висевший над нашими головами, наконец, упал. Собственно говоря, – это не меч, а обычное оружие Маркса – куча грязи... Своё письмо Бакунин заканчивал следующими словами: «ничто не доказывает более ясным образом разрушительное господство Маркса в Главном Совете, как настоящий циркуляр. Прочтите фамилии сорока семи членов, подписавших циркуляр, и вы с трудом найдете среди них не более семи-восьми человек, которые могли бы высказаться с более или менее некоторым знанием дела в данном вопросе. Все остальные являются послушным и слепым оружием марксистской политики и ненависти. Они подписали возмутительный приговор против нас, приговор, который они не видали и не читали, и который они вынесли, не позаботившись даже обратиться к нам хотя бы с единым вопросом!..

Вот каким образом понимает Главный Совет *Справедливость, Истину и Нравственность*, которые должны служить, согласно уставу Интернационала, основой во всех отношениях,

как личных, так и общественных, всех членов Интернационала. Ах, господин Маркс, очевидно эти слова легче поставить в заголовке программы, чем выполнять их на практике...»

Кроме писем протестов, напечатанных в «Бюллетене Юрской Федерации» в № от 15 июня 1872 года юрцы отпечатали еще небольшую брошюру под заглавием: «*Ответ нескольких интернационалистов на частный циркуляр Главного Совета*».

Борьба разгоралась всё больше и больше, и стала ещё более ожесточённой после опубликования Главным Советом «частного циркуляра», которым правящая партия из Лондона словно хотела подлить масла в огонь. А между тем, в этом самом циркуляре, на предпоследней странице мы читаем фразу, (которая прошла в то время не замеченной), доказывающей, самым несомненным образом, единство конечных целей обеих борющихся партий. На самом деле, противники и сторонники Главного Совета, «бакунисты» и «марксисты» стремились в конечном счёте к *одному и тому же идеалу*. Сам Маркс, проклиная вас и предавая анафеме, должен был признать это и в самом «частном циркуляре», говоря об анархии, определяет *анархию* совершенно так же, как определяли её и мы.

«Все социалисты, пишет Маркс, понимают под анархией следующее: цель пролетарского движения, – уничтожение классов, – будучи достигнута, Государственная власть, – помогающая эксплуатирующему меньшинству держать в подчинении огромное большинство производителей, – должна исчезнуть и правительственные функции превращаются в простые административные функции».

Необходимо прибавить, что Маркс, написав эти слова тотчас же старается отмежеваться от своих противников и пробует представить нас, – федералистов, то есть людей, стремящихся к федерации, то есть к организации, – как противников всякой организации. Он пишет:

«Альянс понимает это наоборот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах, как наиболее действительное средство разбить-мощную концентрацию социальных и политических сил эксплуататоров. Под этим предлогом Альянс требует от Интернационала – в момент, когда все силы старого мира стремятся его раздавить, – заменить свою организацию анархией. Международная полиция не придумала бы лучшего требования...»

Эта фраза показывает, что Маркс, ослеплённый враждой, был глух к нашим заявлениям и хотел навязать нам нелепые идеи, чтобы лучше нас разбить. Но, так как он отрицает то, что мы всегда открыто говорили и писали, то всякий здравомыслящий человек оценит по достоинству поступок Маркса. Но, впрочем, это и не важно, мы вполне можем не принимать во внимание второй части фразы Маркса, а, как наиболее важную, принять первую, под которой мы можем всецело подписаться.

Основываясь на этой фразе, я мог с полным правом связать в своей брошюре «Коллективизм в Интернационален»[88] что, в сущности, между Марксом и Прудонем нет противоречия. Сам Прудон, определяя свой идеал как *свободу и равенство*, говорил, что этот идеал выражает то же самое, что немецкие социалисты обозначают словом *коммунизм*» (Письмо к Марксу 17 мая 1846 г.). Теперь мы видим, что, с другой стороны, «социальный идеал самого Маркса есть *ан-архия*».

Но, нам пора спуститься с этих высот социальной философии, – где, как я писал недавно по поводу годовщины Генриха Гейне, «мысль немецкая и мысль французская, – ставящие один и тот же высший идеал, – сливаются вместе и становятся мыслью общечеловеческой[89]. С заоблачных вершин философии нам необходимо сойти на шумную арену, где, ослеплённые ненавистью оглушённые криками злобы, люди ведут между собой жестокую борьбу.

Женевские марксисты, с Утиным во главе, решили летом 1872 года попытаться привлечь на свою сторону нейтральные швейцарские секции Интернационала. С этой целью они постановили созвать 2-го июня 1872 года в Веве, общий конгресс «Романской Федерации». Не желая, чтобы в этом конгрессе приняли участие юрские секции и не желая принять их в проектируемую обще-швейцарскую федерацию, марксисты внесли в проект устава будущей федерации статью, в которой говорилось, что в новую обще-швейцарскую федерацию могут быть принимаемы только те секции, которые всецело признают постановления Лондонской конференции 1871 года.

Однако, план марксистов объединить все швейцарские секции Интернационала под своим флагом не удался. Конгресс Романской Федерации в Веве показал до какой степени упадка дошла федерация, продолжавшая всё ещё называться «романской». Из тридцати восьми секций, числившихся номинально в составе федерации, на конгресс прислали своих делегатов лишь десять секций. Секции, не входившие в Романскую федерацию, но которым было послано приглашение принять участие в конгрессе, не прислали своих делегатов. Таким образом, дело марксистов в Швейцарии было проиграно.

В июле месяце Бакунин переехал из Локарно в Цюрих, так как жена Бакунина с детьми решила уехать в Сибирь, чтобы повидаться со своими престарелыми родителями. Бакунин не захотел оставаться один в Локарно и переехал в Цюрих, где поселился среди русской колонии, состоявшей из учащейся молодежи. Из Цюриха Бакунин ездил на несколько дней в Юру, чтобы увидеть своих старых друзей и товарищей. Пробыв несколько дней в Локле, Сонвиле и в Невшателе, Бакунин возвратился снова в Цюрих, где и прожил всё лето.

В июле 1872 года Главный Совет Интернационала, учитывая настроение большинства федераций, требовавших созыва общего конгресса Интернационала, решил созвать осенью 1872 года пятый съезд Интернационала. Маркс и Энгельс стали деятельно готовиться к тому, чтобы их партия имела бы на конгрессе большинство. Маркс решил дать генеральное сражение федералистам. Главный Совет назначил время созыва конгресса на 2 сентября 1872 года в городе Гааге, в Голландии. Гаага была выбрана потому, что в Голландии Интернационал был очень слабо развит и там почти ничего не знали о расколе, а, кроме того. Гаага была сравнительно далеко от Швейцарии, Италии и Испании, и Маркс рассчитывал, что за дальностью расстояния швейцарские, испанские и итальянские секции пошлют на конгресс самое минимальное количество делегатов. Этот расчёт оказался до

известной степени правильным.

Все лето 1872 года Маркс и его последователи были заняты подготовкой к великой битве, которую они хотели дать на конгрессе в Гааге всем федералистам, бакунистам и анархистам. Они стремились узнать кто является наиболее активными членами Альянса и приверженцами идей Юрской Федерации. Марксисты не останавливались даже перед угрозами. Вот, например, что писал Энгельс Испанскому Федеральному Совету в своём письме от 24-го июля:

«Граждане! Мы имеем в наших руках неопровержимое доказательство, что в Интернационале, в особенности, в Испании существует тайное общество, называемое Альянсом социалистической демократии. Это общество, главный центр которого находится в Швейцарии, имеет своей целью захватить в своё управление Интернационал и направить всю деятельность Интернационала для достижения цели, которая для большинства интернационалистов совершенно неизвестна. Главный Совет уже объявил в своём циркуляре, что он потребует от предстоящего конгресса сделать анкету об Альянсе, который является настоящим заговором против Интернационала... Решено положить конец всем подпольным действиям этого союза и поэтому мы просим вас прислать Главному Совету для составления особой записки конгрессу в Гааге следующие документы:

- 1) Список всех членов Альянса в Испании, с указанием должностей, исполняемых этими лицами в Интернационале.
- 2) Анкету относительно характера и деятельности Альянса, а также доклад об организации Альянса и его отделениях в Испании...

В случае неполучения от вас полного и удовлетворительного ответа с обратной почтой, Главный Совет вынужден будет сообщить о вашем поведении публично всем секциям как в самой Испании, так и за границей, как противном уставу Интернационала, при чём вы будете считаться изменниками Интернационала, предавшими его в интересах тайного сообщества, которое не только не имеет ничего общего с Интернационалом, но ему враждебно»[90].

Через четыре дня после того, как вышеназванное письмо было отправлено в Испанию, Энгельс, не получив ответа, доложил об этом Главному Совету и внёс предложение о роспуске Испанского Федерального Совета за неисполнение требований Главного Совета. Герман Юнг спросил Энгельса, кто ему доставил сведения о том, что в Испании существует тайная организация Альянса. Энгельс ответил, что это ему сказал Лафарг. Так как Лафарг не был секретарем ни одной испанской секция и являлся частным лицом, то Юнг энергично потребовал, чтобы вопрос был передан на рассмотрение пленума Главного Совета. Общее собрание Главного Совета рассмотрев заявление Энгельса постановило не давать дальнейшего хода угрозе Энгельса.

В тот самый момент, когда Энгельс послал своё письмо испанскому федеральному совету, в мадридской газете «Освобождение», издававшейся друзьями Лафарга, в №59 от 28 июля был напечатан список лиц, бывших членами Альянса, при чём указывалось, что все эти лица

являются предателями Интернационала.

Испанский федеральный Комитет в ответ на эту гнусную клевету 30 июля разослал всем секциям Испании циркуляр, в котором говорилось:

«Те, кто ещё вчера защищал те же идеи, как и мы, сегодня осмеливаются говорить о предательстве. Они взяли на себя смелость обвинить нас в том, что мы продались лицам, получающим приказы из Швейцарии ... Вот что осмеливаются утверждать эти люди, прекрасно знающие, что это неправда, но утверждающие это потому, что сами они подчиняются всецело приказам, исходящим из королевского кабинета Маркса...»

Испанская Федерация решила послать на конгресс в Гаагу четырёх делегатов, избранных всеобщим голосованием всеми членами Интернационала в Испании. Избранными оказались Фарга-Пелиссье, Алерини, Мораго и Марсело – *все четверо* члены «Альянса».

В Италии марксистская политика также не увенчалась успехом. Наоборот, как мы видели уже выше, интриги Маркса и Энгельса заставили наиболее энергичных деятелей Итальянского Интернационала, как например, Кафиеро, перейти на сторону Бакунина и Юрской Федерации. До 1872 года все итальянские секции Интернационала, в Италии не были объединены между собой в единую национальную Федерацию. Лишь в августе месяце 1872 года по инициативе Пецца, Фанелли, Кафиеро, Малатеста, Серетти и Коста, решено было созвать общий съезд представителей интернациональных секций и основать единую итальянскую Федерацию Интернационала. 4-го августа делегаты съехались в Римини. Конференция в Римини, обсудив вопрос о Главном Совете, вынесла постановление, в котором говорилось, что Главный Совет не следует, после всего происшедшего, считать представителем всего Интернационала, и что поэтому не нужно посылать делегатов на конгресс в Гаагу, созываемый Главным Советом. Вместо этого конференция постановила послать своих делегатов в Невшатель в комитет Юрской Федерации, и там совместно выработать план созыва в сентябре месяце антиавторитарного конгресса Интернационала, который и был бы истинным выразителем Интернационала. Вот в каких словах была составлена резолюция по этому поводу:

«Принимая во внимание, что Лондонская конференция (сентябрь 1871 года) пробовала навязать своей девятой резолюцией всему Интернационалу авторитарную доктрину *немецкой коммунистической партии...*

Что Главный Совет Интернационала употреблял самые возмутительные приёмы (клевету и обман) для того, чтобы привести Интернационал *к авторитарному коммунизму;*

Что Главный Совет перешёл все меры порядочности в своём *«частном циркуляре»* от 5-го Марта 1872 года, в котором он, выполняя своё дело лжи и обмана, проявил всю жажду власти, к которой он стремится;

Что реакционные стремления Главного Совета вызвали революционную оппозицию бельгийских, французских, испанских, славянских, итальянских и частью швейцарских секций, и поступили даже предложения об уничтожении Главного Совета и о пересмотре общего Устава;

Что Главный Совет, с сознательной целью, назначил местом общего конгресса город Гаагу, более всех других городов отдаленный от стран революционной оппозиции;

Вследствие этого,

Конференция, перед лицом рабочих всего мира, заявляет, что с настоящего момента Итальянская Федерация Интернационала порывает все сношения с Главным Советом, но в то же время объявляет, что она солидарна со всеми рабочими и поэтому она предлагает всем секциям Интернационала, не разделяющим авторитарных принципов Главного Совета, послать 2-го сентября 1872 года своих делегатов на конгресс Интернационала, но не в Гаагу, а в *Невшатель* (в Швейцарию), где съехавшиеся делегаты и откроют общий антиавторитарный конгресс Интернационала».

Юрцы, стремившиеся всегда в своей борьбе с партией Маркса-Энгельса-Лафарга-Утина не переходить известных границ, встретили отрицательно предложение Итальянской Федерации. Они старались держаться примирительной тактики и говорили, что следует принять участие в Гаагском конгрессе Юрцы хотели представить все обстоятельства своей борьбы с Главным Советом на обсуждение общего конгресса и поэтому они не согласились с предложением Итальянской Федерации созвать особый антиавторитарный конгресс в Невшателе. Юрцы решили послать на конгресс в Гаагу двух своих делегатов и Комитет Юрской Федерации написал Итальянской Федерации письмо, в котором он советовал итальянцам также послать своих делегатов на конгресс в Гаагу Итальянцы ответили, что они не могут уже изменить своего постановления, принятого большинством конференции, таким образом, на конгрессе в Гааге от итальянских секций не было ни одного представителя. Такое необдуманное решение было на руку Марксу.

Весь Август месяц прошёл в подготовке к конгрессу. Маркс и его друзья энергично работали, чтобы окончательно разбить своих противников. Чтобы вернее одержать победу над своими врагами Маркс мобилизовал даже своих домашних; он заставил свою дочь, Элеонору, написать своей подруге, (Элизе Гримм) в Эльзас, письмо в котором она обвиняла некоторых французских коммунаров, бывших членами Юрской Федерации, (в числе их Бенуа Малона и Андре Лео). Однако, эти обвинения не имели успеха, так как членам Парижской Коммуны было очень легко доказать всю ложность взводимых на них обвинений.

Со своей стороны Комитет Юрской Федерации созвал 18-го августа съезд в Шо-де-Фоне, на котором были избраны два делегата на конгресс в Гаагу; избранными оказались Адемар Швицгебель и Джеймс Гильом. Конгресс выработал также особую инструкцию и наказ для делегатов. В этой инструкции указывалось, что Юрская Федерация желала бы «уничтожения Главного Совета и всякой власти в Интернационале». В инструкции говорилось, что делегаты Юрской Федерации должны действовать в полной солидарности со всеми делегатами, которые будут открыто и честно протестовать против принципов

авторитаризма. Съезд также советовал своим делегатам «избегать насколько возможно перехода на личную почву, предложив конгрессу забыть о прошлом».

На съезд в Шо-де-Фон прибыл и Бакунин который в это время временно жил в Цюрихе. Вместе с Бакуниным в Шо-де-Фон приехало много русских студентов и студенток, в числе которых была, между прочим, София Бардина. 19-го Августа Бакунин посетил Сонвилье откуда 22 августа уехал в Локль. 24-го Бакунин приехал в Невшатель, откуда на следующий день уехал снова в Цюрих.

VI. Гаагский конгресс (2-7 сентября 1872 года)

На конгресс Интернационала в Гаагу прибыло из разных стран 67 человек делегатов. Большинство делегатов были сторонники Маркса или его друзья. Маркс заранее принял все меры, чтобы иметь на своей стороне большинство голосов. Чтобы обеспечить победу Маркс решил поехать на конгресс лично; это выступление на интернациональном конгрессе было первым; до этого Маркс предпочитал не присутствовать на конгрессах Интернационала, а действовать, как он выражался сам из-за кулис.

Первые три дня конгресса были посвящены проверке мандатов. В мандатную комиссию вошли сам Маркс и четверо из его сторонников; представители меньшинства получили лишь два места. Мандатная комиссия, по предложению Маркса постановила, что ввиду исключительного положения Интернационала во Франции, где Интернационал подвергается жестокому гонению, по отношению к французским делегатам принять следующую меру: не указывать какие секции их делегировали. Таким образом, конгресс не имел возможности установить правильность делегирования относительно французских делегатов. По отношению к американским делегатам произошёл следующий казус: представители американских секции выбрали делегатами Зорге и Дерера. После избрания Зорге заявил избравшим его секциям, что ему необходимо несколько *чистых незаполненных мандатных бланков*. Когда один из присутствовавших попытался было сделать возражение на незаконность такого требования, то Зорге вынул из кармана и показал *письмо Маркса*, в котором тот просил привести в Лондон несколько чистых мандатных бланков. Против такого приказа возражать было нечего. Зорге получил двенадцать чистых мандатов без фамилий и по приезде в Лондон передал их Марксу. Маркс раздал их по своему усмотрению. Когда об этом узнал Герман Юнг, то он спросил Маркса – верно ли это? Маркс, не отрицая факта, сказал, что Зорге, показавший письмо, *глупый осёл*.

Из шестидесяти семи человек, прибывших на конгресс 22 человека были членами Главного совета и являлись сторонниками Маркса. Эти 22 делегата совместно с 12 делегатами от американских секций, мандаты которых Маркс раздал по своему усмотрению, уже составляли большинство конгресса. К этому большинству присоединились немецкие делегаты в числе девяти человек, хотя эти делегаты в сущности говоря не были делегированы *секциями*[91], а лишь группами и рабочими союзами. Согласно уставу Интернационала, делегаты рабочих групп и союзов не могли иметь права решающего голоса в вопросах, касающихся организации и управления Интернационала. Но, вопреки этому на конгрессе в Гааге немецким делегатам было дано право решающего голоса. В то же самое время мандатная комиссия сочла неправильным мандаты делегата от одной американской секции, (под предлогом, что эта секция является защитницей *свободной любви*), и мандат делегата от женевской «секции пропаганды и социалистического действия». Делегатом от этой секции был Н. Жуковский и этого было вполне достаточно,

чтобы закрыть перед ним двери конгресса. Между тем мандатная комиссия утвердила мандат зятя Лафарга, выданный ему «Новой Мадридской секцией Интернационала», насчитывавшей только девять членов, отколовшихся от старой мадридской секции. Эта новая секция была принята Главным Советом вопреки протестам Испанского Федерального Совета.

Программа конгресса состояла из следующих вопросов: 1) о полномочиях Главного Совета; 2) Предложение внести в устав девятую резолюцию Лондонской конференции о политической деятельности пролетариата; 3) различные меры административного характера, избрание Главного Совета, назначение места будущего конгресса и т. д.

Дебаты по вопросу о полномочиях Главного Совета открыл делегат от секций города Льежа, бывший в то же время членом Главного Совета, А. Герман. Он указал, что пославшие его секции, как и все вообще бельгийские секции, придерживаются того мнения, что Главный Совет не должен быть политическим центром, навязывающим секциям свою теорию и стремящимся управлять Интернационалом. Главный Совет должен быть реформирован на новых основаниях: каждая страна должна сама выбрать своего представителя и послать его в Главный Совет; ни один человек не может каким-либо иным путём сделаться членом Главного Совета. Цель, преследуемая Интернационалом, заключается в борьбе с капиталом, для того, чтобы уничтожить систему заработной платы и пролетариат. Каждая страна должна быть свободна в выборе средств действия, которые она считает наиболее подходящими для себя. Заканчивая свою речь, Герман говорит, что секции его уполномочили добиваться на конгрессе, чтобы конгресс поставил Совет в такие условия, в которых Главный Совет не мог бы больше навязывать свою волю всему Интернационалу.

После Германа выступил зять Маркса Лафарг. Лафарг в своей речи указывал, что делегировавшие его секции – Мадридская и Лиссабонская, наоборот настаивают, чтобы за Главным Советом были сохранены прежние полномочия: так как только благодаря Главному Совету существует Интернационал. Если уничтожить Главный Совет – Интернационал распадётся.

После Лафарга слово предоставляется делегату Юрской Федерации, Джеймсу Гильому. Гильом говорит от имени пославшей его федерации, и указывает, что в данный момент в Интернационале существует два идейных течения. Представители одного из этих течений смотрят на Интернационал как на создание группы лиц, исповедующих известную социальную доктрину. Это лица думают, что применение их теорий на практике сможет освободить труд и вот почему они стремятся всюду пропагандировать свои идеи и стараются помешать пропаганде всяких других идей, противоречащих их теории. Многие думают, что именно благодаря этой группе и её деятельности существует Интернационал. Представители другого течения, наоборот, считают, что Интернационал не является продуктом деятельности какой-либо группы, но возник и развился в силу самих экономических условий. Сходное положение работников в разных странах породило общность чувств, стремлений и интересов, и благодаря этой-то общности и возник Интернационал. Интернационал не есть создание какого-либо ума учёного теоретика, но является порождением самой жизни и экономических явлений.

Члены нашей Федерации на конгрессе в Базеле предложили сосредоточить в руках Главного Совета известные полномочия, теперь мы настаиваем, чтобы Главный Совет был лишён этих полномочий. Это требование мы основываем на том факте, что Главный Совет стал злоупотреблять данными ему полномочиями и наша Федерация испытала это на себе. Желание нашей Федерации уменьшить полномочия Главного Совета встретило отклик в среде других федераций; бельгийская федерация даже потребовала совершенного уничтожения Главного Совета, как бесполезного органа. Мы не идём так далеко. Но, когда это предложение было получено нами, мы обсудили его и задали вопрос: действительно ли необходимо при данных условиях существование Главного Совета? Мы опросили по этому поводу целый ряд федераций и на основании полученных ответов вывели заключение, что если Главный Совет и нужен, то ни коим образом не в виде какой-то власти и центра управления, но только как центр для письменных сношений и ведения статистики – не больше. Лично нам кажется, что федерации могли бы без этой промежуточной инстанции входить в непосредственные прямые сношения между собой; но, тем не менее, мы присоединились к мнению большинства.

Защитники Главного Совета возражают нам, что Интернационал должен иметь во главе сильную власть. На чем основывают они это требование? Интернационал ведёт борьбу экономическую, которая выражается в стачках, и борьбу политическую, которая в разных странах принимает различные формы – или легальную борьбу на выборах и выставление рабочих кандидатур, или же выливается в революционные формы. Борьба экономическая и политическая неотделимы друг от друга: они должны вестись вместе. Но, разве Главный Совет обладает способностью руководить нами в этой борьбе? Разве он когда-нибудь организовывал хотя бы одну стачку? Нет. Главный Совет не имеет никакого влияния на социальные конфликты; когда они возникают, то только чувство солидарности, но не приказы, заставляют рабочих выступать совместно со своими товарищами. Вспомните какой протест заявила женевская федерация, (я буду приводить примеры только Швейцарии). когда указывалось что стачки 1868 и 1868 годов были предприняты по приказу из Лондона и Парижа. Мы не хотим, чтобы Интернационал действовал по приказам Главного Совета или кого-либо другого. Для политической борьбы Главный Совет также совершенно не нужен: он не может вести рабочих к революции, потому что революции возникают самостоятельно, а не под влиянием диктующей власти. Таким образом мы приходим к заключению, что существование Главного Совета бесполезно. Однако, мы не требуем его полного уничтожения, но мы предлагаем ограничить его роль и сделать его простым бюро переписки и статистики.

В ответ на эту речь делегат от нью-йоркских секций Зорге, говорит, что «американцы, путем опыта, пришли к совершенно противоположным заключениям, чем Юрская Федерация. Юрская Федерация, говорит Зорге, объявляет себя противницей власти, я хотел бы, чтобы она не имела власти печатать те гадости, какие она печатала...» На этом месте речь Зорге была прервана голосами делегатов меньшинства, которые требовали, чтобы председатель призвал Зорге к порядку дня. Зорге взял свои последние слова обратно и стал продолжать свою речь:

«Нам говорят, сказал он что Главный Совет никогда не организовывал стачек. Это не верно. Его вмешательство было очень действительно во время стачки бронзовщиков в Париже, а

также во время стачки рабочих на фабриках швейных машин в Нью-Йорке и механиков в Ньюкасле...»

Здесь опять речь Зорге была прервана английским делегатом Моттерчидом, который заметил: «это неверно, механики Ньюкасла не имели никакого отношения к Главному Совету».

Зорге, оставив без внимания это замечание, продолжает свою речь:

«Главный Совет должен быть генеральным штабом Интернационала. Защитники и сторонники автономии говорят, что наша Ассоциация не имеет нужды в голове, мы думаем обратное, мы думаем, что голова нужна и она нужна с большими мозгами внутри. (Многие делегаты смотрят на Маркса и смеются). Мы должны иметь сильную централизацию, и я заканчиваю свою речь пожеланием, что не только нужно лишить Главный Совет тех полномочий, какие он имеет, но что его полномочия следует увеличить».

После Зорге слово предоставляется делегату испанской федерации, Мораго. Мораго говорит, что спорить о размерах власти Главного Совета это только терять понапрасну время, так как, в действительности, Главный Совет не обладает достаточной силой, чтобы держать секции в подчинении. Интернационал, являясь свободной организацией, возникшей из инстинктивной организации пролетариата, уже одним фактом своего существования служит выражением протеста против власти. Было бы поэтому совершенно наивным надеяться на то, что сторонники автономии рабочих коллективов отказались бы от своих идей. Испанская Федерация стоит за свободу, и она никогда не согласится признать за Главным Советом иной роли, кроме как центра корреспонденции и статистики.

После этих речей заседание было закрыто, и на другой день в частном заседании конгресса, закрытым для публики, Главный Совет предложил конгрессу принять в измененной редакции статьи вторую и шестую общего регламента. Статьи эти были составлены в такой редакции:

«Статья 2. – Главный Совет обязан выполнять постановления конгрессов и наблюдать за точным исполнением секциями всех постановлений и устава Интернационала.

Статья 6. – Главный Совет имеет также право распускать секции, отделения, советы или федеральные комитеты и федерации Интернационала до созыва следующего конгресса.

Однако, по отношению к секциям, принадлежащим к какой-либо федерации, Главный Совет, прежде чем распускать их, обязан предварительно посоветоваться об этом с подлежащим федеральным советом.

В случае роспуска какого-либо федерального совета, Главный Совет должен оповестить об этом секции, входившие в эту федерацию, и просить избрать в тридцатидневный срок

новый федеральный совет.

В случае роспуска целой федерации, Главный Совет должен немедленно сообщить об этом всем федерациям Интернационала. Если большинство федераций потребует для разбора дела созыва экстренной конференции, то Главный Совет обязан исполнить эту просьбу и конференция должна вынести окончательное решение по данному вопросу».

Эти статьи были приняты большинством конгресса без прений. По поводу предоставления Главному Совету права роспуска целых федераций слово взял сам Маркс. Маркс указывал, что нельзя ограничивать право роспуска, тем более что в силу постановления Базельского конгресса, давшего Главному Совету право закрытия секций, Главный Совет может вполне закрыть целую федерацию, только не сразу, а постепенно, закрывая одну секцию данной федерации за другой. Не лучше ли говорил Маркс, выразить это право более ясным и определенным образом и прямо сказать, что Главный Совет имеет право распускать и закрывать целые федерации? Если его выбор упадёт на такую федерацию, как, например, Юрская Федерация, которая позволяет печатать в своём официальном органе заведомую ложь и клевету, то предпринятая Главным Советом мера принесет Интернационалу только пользу.

После того, как были приняты эти статьи, которыми Главный Совет облакался более сильной властью, чем он пользовался до того времени, Энгельс, совершенно неожиданно для большинства делегатов, внёс *предложение перенести Главный Совет из Лондона в Нью-Йорк*. «Интересы Интернационала требуют, говорил Энгельс, удаления Главного Совета из Лондона, по крайней мере на один год. и, сообразуясь с обстоятельствами, признаётся наиболее удобным перевести Главный Совет в Нью-Йорк».

Предложение о перенесении Главного Совета из Лондона в Нью-Йорк было подписано Марксом, Энгельсом, Мак-Доннелом, Секстопом, Лонге, Лесснером, Ле-Муссю, Серайе и Барри.

Делегаты были ошеломлены. На конгрессе, некоторое время царило молчание. Но, затем поднялись протесты, особенно энергично протестовали французы-бланкисты, во главе с Вальяном. Дело в том, что эмигрантам бланкистам, жившим в Лондоне, Маркс обещал несколько мест в Главном Совете Интернационала. Однако, Маркс боялся допустить бланкистов в Главный Совет и поэтому решил лишить их всякой возможности оказывать своё влияние на Интернационал.

Но, почему, однако, выбор Маркса пал на Нью-Йорк? По всей вероятности Маркс, решая перенести Главный Совет в Нью-Йорк, рассуждал так: Нью-Йорк слишком далёк от Европы, и Главный Совет, находясь там, будет избавлен от всех нежелательных элементов и всякого чуждого Марксу влияния. С другой стороны, сам Маркс также как бы отстранялся от деятельности в Главном Совете. Но, в то же время Маркс хорошо знал, что в Нью-Йорке, где во главе секций стоял его преданный друг Зорге, Главный Совет будет всецело выполнять его желания. Таким образом, думал Маркс, для непосвященных будет видно, что он, ради блага Интернационала, чтобы прекратить все поводы к нареканию, добровольно ушёл из состава Главного Совета и даже сам внёс предложение перенести совет в Нью Йорк.

Однако, Маркс, несмотря на свой острый ум, не принял во внимание одной вещи: обманывая бланкистов и думая, что он нашёл выход из создавшегося положения и обеспечил за собой влияние на Главный Совет, он забыл о том, что та часть Интернационала, которая требовала уничтожения Главного Совета или низведения его до роли, как говорил Маркс, «простого почтового ящика» для приёма и пересылки корреспонденции, могла рассуждать так: «раз Главный Совет перенесён на другой берег Атлантики, это будет для нас служить доказательством того, что возможно вполне обходиться и без Главного Совета, так как, в действительности, нахождение Главного Совета в Нью-Йорке будет равносильно тому, что его как будто нет совсем».

Действительно, приблизительно таким образом рассуждали часть английских, бельгийских и голландских делегатов и это их заставило голосовать совместно с Марксом и его друзьями за перенесение Совета в Нью-Йорк. Голоса этих делегатов (девять голосов) и дали перевес марксистам (За перенесение Совета в Нью-Йорк было подано 30 голосов, против 14 при 12 воздержавшихся. Если бы девять делегатов из оппозиции вместо того, чтобы голосовать за, голосовали бы *против*, то за предложение Маркса было бы собрано только 21 голос, а за оставление Совета в Лондоне 23 голоса (14+9). Таким образом, в то время как Маркс был в восторге от одержанной победы над бланкистами, автономисты были благодарны Марксу за допущенную им огромную ошибку.

Следующее заседание конгресса было посвящено прениям по вопросу *о политической деятельности*. Группа делегатов от большинства внесла предложение дополнить основной устав Интернационала девятой резолюцией, выработанной на Лондонской конференции, несколько изменив её редакцию. Это постановление было отредактировано в следующих выражениях:

«В своей борьбе против коллективной власти господствующих классов, пролетариат может действовать как класс только при том условии, если он сам образует политическую самостоятельную партию, противопоставленную всем прежним партиям, основанным господствующими классами.

Это объединение пролетариата в политическую партию является необходимым условием для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и её конечной цели – уничтожение классов

Коалиция рабочих сил, уже достигнутая благодаря экономической борьбе, должна также служить рычагом в руках рабочего класса в его борьбе против политического могущества его эксплуататоров.

Обладатели земли и капитала пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увеличения своих экономических монополий и для эксплуатации труда, завоевание политической власти является, следовательно, великой обязанностью пролетариата».

Бланкисты, с своей стороны, внесли предложение принять их резолюцию, в которой говорилось, что «если стачка является формой революционного действия, то баррикада

представляет другую форму революционного действия, самую действительную из всех форм». Бланкисты требовали, чтобы в программу следующего конгресса был внесён вопрос «об организации боевых революционных сил пролетариата».

Прения по этому вопросу носили несерьёзный характер. Два оратора, выступившие за принятие резолюции Главного Совета, бланкист Вальян и марксист Гепнер, в своих речах не касались основных идей и ограничились лишь указанием необходимости политической борьбы. Вальян говорил о великом значении *силы и диктатуры*, заявив, что кто не думает так, как он является буржуа и интриганом. Вальян добавил, что раз постановление будет принято большинством конгресса и будет внесено как параграф основного устава в *библии Интернационала* (буквальное выражение Вальяна), то весь Интернационал обязан держаться этой политической программы иначе же все несогласные подлежат исключению.

Немецкий делегат Гепнер заявил, что все интернационалисты, не желающие принимать участие в политической избирательной борьбе, как, например, швейцарцы, являются союзниками «шпиона» Швейцера, и что воздержание от голосования ведёт прямо в полицейский участок... «Нам говорят, добавил Гепнер, что Главный Совет навязывает свою теорию; это ложь, в Германии мы не видим ничего подобного; политические теории, изложенные в постановлениях Главного Совета, находятся в полном согласии с стремлениями немецких рабочих и поэтому не приходится говорить о каком бы то ни было насилии со стороны Главного Совета».

Со стороны меньшинства слово было дано только одному Гильому, хотя раньше его записалось ещё двенадцать ораторов. Считая себя не вправе воспользоваться словом вне очереди, Гильом отказался выступить, но большинство конгресса настояло, чтобы он говорил. Как оказалось впоследствии всё это было устроено с задней целью – план Главного Совета заключался в том, чтобы выслушать на публичном заседании теории оппозиции в лице Гильома, а затем, в конце конгресса, исключить, из Интернационала представителя этой оппозиции; таким манёвром Главный Совет думал убедить широкую публику что принципы и идеи оппозиции не имели других защитников кроме Гильома, которого большинство конгресса нашло недостойным быть членом Интернационала.

Речь Гильома была, неполна, потому что он не успел обсудить все тезисы с представителями меньшинства. Кроме того, Гильом не хотел раскрывать все махинации Главного Совета перед посторонней публикой, присутствовавшей на конгрессе, хотя у него имелись в кармане компрометирующие письма Энгельса к Кафиеро. Вследствие этого Гильом ограничился лишь кратким изложением федералистской и революционной теории, которую он противопоставлял теории, изложенной в знаменитом манифесте коммунистической партии 1848 года изданном Марксом и Энгельсом. Гильом указал, что внесение в устав Интернационала девятой резолюции будет первым шагом на пути осуществления этой программы. Затем Гильом указал, что термин *абстенционисты*, применяемый Главным Советом к интернационалистам бельгийским, голландским, юрским, испанским и итальянским не совсем правилен... Все интернационалисты, воздерживающиеся от участия в избирательной борьбе, не отрицают политику и не проповедуют политического индифферентизма, но считают необходимым вести политику другого рода, так называемую политику труда, отрицающую политику буржуазии. Различие между положительной политикой большинства конгресса и отрицательной политикой

меньшинства заключается в том, что большинство стремится к завоеванию политической власти, а меньшинство хочет уничтожения политической власти.

Резолюция, предложенная Главным Советом, была принята большинством 29 голосов против 5, при 8 воздержавшихся.

В субботу 7-го сентября состоялось последнее публичное заседание конгресса, оно было посвящено почти целиком изложению идей Интернационала, имевшее целью познакомить с принципами Интернационала многочисленную публику, явившуюся в зал заседаний конгресса. Вечером в субботу состоялось закрытое заседание конгресса, на котором должен был быть обсужден вопрос об «Альянсе социалистической демократии». Этот вопрос, в глазах Маркса и Энгельса, был наиболее важным из всех и ради него, собственно говоря, они созвали самый конгресс[92].

Разбор дела об Альянсе был поручен особой «комиссии пяти», в состав которой вошли делегаты Куно (немец), Лукен (француз), Сплингард (бельгиец), Ришар (француз) и Вальтер (француз). Эта комиссия имела целью установить тот факт, что некоторые члены Интернационала основали в 1868 году тайный союз, названный ими «Альянс социалистической демократии», и который имел программу, противоречащую уставу Интернационала.

Комиссия пяти посвятила несколько тайных заседаний на разбор документов, переданных ей Энгельсом. После этого она сделала допрос некоторым делегатам, при чём одни из них фигурировали в качестве свидетелей, а другие в качестве обвиняемых. С первого же заседания комиссия не ограничилась ролью беспристрастного расследователя, а стала в роль судьи. Она повела форменный допрос свидетелей, вызывая их по одиночке и стараясь запутать их и сбить. Ввиду такого отношения некоторые свидетели отказались давать свои показания; другая часть свидетелей, являвшихся фактически скорее обвинителями, просиживала в комиссии целые часы. Мы не можем сказать, что происходило во время этих заседаний; мы не знаем каковы были показания этих свидетелей, так как протоколы этих заседаний не были опубликованы.

Но, чтобы понять какого рода работой была занята эта «комиссия пяти», нам достаточно будет выслушать мнение двух членов этой самой комиссии.

Так, член этой комиссии, делегат Сплингард, после того, как выслушал все показания Маркса и Энгельса, заявил что обвинители не дали никаких веских улик и что всё это дело является, по его мнению, ложью и мистификацией. Дальнейшее обсуждение вопроса об Альянсе он считает бесполезной тратой времени.

Другой член комиссии пяти, французский делегат Вальтер, принадлежавший к большинству конгресса то есть, стоявший на стороне Маркса, при виде всего того, что происходило в комиссии, решил выйти из её состава и написал председателю комиссии Куно письмо, в котором он заявлял, что не может участвовать в подобной комиссии и что он слагает с себя всякую ответственность за все решения этой комиссии. Правда, что на следующий день Вальтер изменил своё мнение, но, ниже мы увидим, каковы были причины, заставившие его снова вступить в комиссию.

Другой знаменательный факт, в субботу, 7 сентября, около четырёх часов дня граждане Куно, Лукен и Ришар – члены комиссии пяти – заявили Гильому, что несмотря на все заботы и старания некоторых лиц, комиссия не пришла ни к каким серьёзным выводам и что когда комиссия представит на вечернем заседании конгресса свой доклад, то делегаты увидят, что гора родила мыш. Затем между Лукеном и Гильомом завязалась дружеская беседа по поводу реорганизации секций во Франции и о необходимости создания французского федерального совета и т. п. Лукен высказывал Гильому своё доверие и просит его вести с ним переписку, дал ему свой адрес и открыл свою настоящую фамилию. Затем члены комиссии расстались с Гильомом и отправились на заседание, чтобы выслушать дополнительные *показания Маркса*. Что мог сказать нового Маркс? Мы не знаем[93]. Но, в результате этого получилось то, что мнение всех трёх членов комиссии, только что дружески беседовавших с Гильомом, совершенно изменились и четвертый член, Вальтер, отказался от своего письма и присоединился к комиссии.

После переговоров с Марксом, Комиссия неожиданно изменила своё мнение и составила своё знаменитое заключение, которое и было прочитано на вечернем заседании в субботу, за несколько минут до закрытия конгресса. Вот это заключение:

«Доклад комиссии по делу Альянса.

За недостатком времени Комиссия не имеет возможности представить конгрессу подробный доклад по делу Альянса, поэтому она ограничивается лишь кратким заключением, основанным на тех документах и данных, какие были ей доставлены.

Выслушав показания граждан Энгельса, Карла Маркса, Вроблевского, Дюпона, Серайе и Шварма от Интернационала,

и граждан Гильома[94], Швицгебеля, Жуковского, Алерини, Мораго, Марсело, Фарга-Пелиссье, обвиняемых в том, что они состояли членами тайного общества Альянса,

нижеподписавшиеся заявляют:

- 1) Что тайное общество Альянса, имевшее устав совершенно противоположный уставу Интернационала, существовало, но нет достаточных доказательств того, существует ли это общество в данный момент;
- 2) Доказано, фактом существования проекта устава и целого ряда писем, подписанных «Бакунин», что этот гражданин хотел, а может быть и успел, основать в Европе общество, называемое Альянс, имеющее устав совершенно различный с уставом Интернационала как с точки зрения социальной, так и с точки зрения политической;
- 3) Что гражданин Бакунин употреблял мошеннические проделки, чтобы захватить часть средств, принадлежавших другому лицу, что является воровством[95].

Кроме этого, чтобы не выполнять взятых на себя обязательств, он и его агенты прибегали к угрозам.

На основании всего этого члены Комиссии просят Конгресс:

- 1) Исключить гражданина Бакунина из Международного Товарищества Рабочих;
- 2) Исключить также граждан Гильома и Швицгебеля так как члены комиссии убеждены, что они состоят и в данный момент членами названного Альянса.
- 3) На основании документальных данных установлено, что граждане Малон, Буске – этот последний секретарь полицейского комиссара в Безья (во Франции[96]) и Лун Маршан, занимались деятельностью, имеющей целью дезорганизовать Интернационал. Комиссия просит также исключить и их.
- 4) Что же касается граждан Мораго, Фарга-Пелисье, Марсело, Алерини и Жуковского, Комиссия, – принимая во внимание их определённые заявления, что они не состоят больше членами названного Альянса, – просит Конгресс оставить их дело без последствий.

Чтобы избежать нареканий в пристрастии, члены Комиссии просят, чтобы все документы, которое были им представлены, а также и все свидетельские показания, были опубликованы в официальном органе Интернационала.

Гаага, 7 сентября 1872 г.

Председатель Ф. П. Куно, делегат от Штутгарта и Дюссельдорфа.

Секретарь Лукен, делегат от Франции».

Прочитав этот документ, читатель видит, что нет возможности выступить с серьёзной критикой всех обвинений, приведённых в нём. Поэтому мы ограничимся лишь кратким указанием тех противоречий, которые встречаются на каждой строке этого документа.

Во-первых, с одной стороны, мы читаем, что *тайный Альянс существовал, но что нет достаточных доказательств того, что он существует теперь*, а, с другой стороны, несколько ниже говорится, что *Бакунин хотел, а может быть, и успел, основать общество, называемое Альянсом*. Ещё несколькими строками ниже мы читаем: Комиссия убеждена что Гильом и Швицгебель *состоят ещё членами названного Альянса*. Возможно ли нагромоздить столько противоречий на нескольких строках? На самом деле, или Комиссия должна признать, как она это делает в первом параграфе своего заключения, что нет достаточных доказательств того, что Альянс продолжает существовать, тогда Комиссия не могла сказать, что она убеждена, что Гильом и Швицгебель *состоят ещё членами Альянса*, – или же Комиссия должна была сказать, если у неё были на то фактические данные, что Альянс был основан и продолжает существовать, тогда зачем было нужно говорить так неопределенно, что *Бакунин хотел, а может быть и успел основать в Европе Альянс*.

Наконец в докладе говорится, что Альянс, – о существовании которого Комиссия не может сказать ни *да*, ни *нет*, – *имел устав совершенно противоположный уставу Интернационала*.

В действительности, комиссия отлично знала, что Альянс существовал, что Бакунин не только хотел его основать, но вполне успел это сделать, что Альянс действовал у всех на виду, что Главный Совет, в своём письме от 20 марта 1869 года признал что программа этого Альянса *не содержит в себе ничего противоречащего общим тенденциям Интернационала* и что программа и регламент секции Интернационала в Женеве носившей название секции Альянса, были одобрены Главным Советом (см. письмо Эккариуса от 28 июля 1869 г.[97]).

Комиссия обвинила Бакунина в мошенничестве, но в подтверждение такого серьёзного обвинения она не представила конгрессу даже малейшего доказательства, и обвиняемый не был ни предупреждён, ни выслушан! На простом языке такой поступок называется клеветой. Впрочем, честь Бакунина не могла быть задета подобными обвинениями.

Председатель Комиссии Куно, заявил на конгрессе, что Комиссия не получила, в действительности, ни одного материального доказательства, подтверждающего приписываемые обвиняемым инкриминируемые факты, но Комиссия, заявил Куно, по отношению к этим гражданам имеет *моральную уверенность* в их виновности, и поэтому, не имея возможности представить конгрессу определённых доказательств, Комиссия просит конгресс *довериться* её заключению.

После речи председателя Комиссии, член комиссии Сплингард просит слова и прочитывает следующее своё заявление:

«Я протестую против заключения Комиссии по делу Альянса и оставляю за собой право объяснить причину моего протеста перед Конгрессом. В процессе расследования, по моему мнению, выяснилась только одна вещь – это *попытка* Бакунина организовать в среде Интернационала тайное общество.

Что же касается исключений из Интернационала некоторых его членов, предлагаемого большинством Комиссии, я не могу требовать исключения, так как я не получил на это полномочий[98] и поэтому я буду оспаривать это постановление перед конгрессом

Рох. Сплингард».

Далее в своей речи Сплингард в нескольких сильных выражениях охарактеризовал доклад комиссии и странную речь её председателя Куно.

После этого председатель конгресса предложил Гильому выступить в защиту себя. Гильом отказался, говоря, что выступать против заключения Комиссии это значило бы принимать всерьёз всю комедию, устроенную большинством Конгресса. Гильом ограничился лишь указанием, что большинство конгресса, предпринимая репрессии против некоторых членов меньшинства, хочет нанести удар в лицо их всей федералистской части Интернационала. Но, прибавил он, ваша месть запоздала, мы уже заранее заключили договор солидарности, который вам сейчас прочитают.

После Гильома выступил Швицгебель, который сказал «нам вынесли заранее приготовленный обвинительный приговор, но, рабочие сами вынесут обвинительный приговор решению вашего большинства».

Затем Виктор Дав, делегат от секции в Гааге прочитал следующую декларацию:

«Декларация меньшинства.

Мы, нижеподписавшиеся, члены меньшинства гаагского конгресса, сторонники автономии и федерации рабочих групп, прежде чем конгресс приступил к голосованию своих постановлений, которые, как нам кажется, будут идти в разрез с теми принципами, какие приняты в странах, нас делегировавших, желая в то же время избежать всякого рода раскола в среде Интернационала должны заявить конгрессу следующее:

1) Мы будем продолжать поддерживать с Главным Советом чисто деловые сношения, касающиеся уплаты взносов, переписки и статистики;

2) Федерации, представляемые нами, установят между собой и всеми отделениями Интернационала прямые и постоянные сношения.

3) В том случае если Главный Совет захочет вмешаться во внутренние дела какой-либо федерации, представители которых подписали настоящее заявление, обязуются совместными силами защищать свою автономию, исключая те случаи, когда федерации явно пойдут в своих действиях против устава Интернационала, принятого женевским конгрессом.

4) Мы предлагаем всем федерациям и секциям подготовиться к будущему конгрессу с тем, чтобы в среде Интернационала был принят, как основной принцип организации труда, принцип федеративной автономии.

5) Мы не войдем ни в какие сношения с так называемым всемирным федералистским Советом в Лондоне[99], и ни с какой другой организацией чуждой Интернационалу.

Алерини, Фарга-Пелиссье, Мораго, Марсело, – делегаты Испанской федерации.

Бризме, Конен, Флюс, Ван ден Абель, Ебергарт - делегаты Бельгийской федерации.

Швицгебель, Гильом – делегаты Юрской федерации.

Дав, Гергард – делегаты Голландии.

Сова – делегат Америки».

Члены большинства молча выслушали эту неожиданную для них декларацию. Никакого возражения с их стороны не последовало. Председатель спешно предложил приступить к голосованию об исключении членов Интернационала, предложенных Комиссией. В это время из 65 делегатов на конгрессе осталось лишь 43. За исключение Бакунина высказалось 27 за,

против 7 при 9 воздержавшихся. За исключение Гильома высказалось 25 за, против 9 при 9 воздержавшихся. За исключение Швицгебеля высказалось 15 голосов за, против 17 при 9 воздержавшихся[100].

Таким образом, Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала, а Швицгебель остался. Узнав результат голосования Швицгебель заявил протест, говоря что он был назначен Комиссией к исключению по тем же причинам как и Гильом и поэтому совершенно абсурдно исключать одного и не исключать другого. Большинство на это ничего не ответило. Со своей стороны Гильом заявил, что он будет считать себя, несмотря на исключение, членом Интернационала.

Один член из большинства, поняв, что по отношению к следующим, подлежащим исключению, лицам – Малону, Буске и Маршану, – голоса ещё более разобьются, внёс предложение отклонить предложение Комиссии пяти об исключении этих лиц из Интернационала. Большинством делегатов это предложение принимается.

Таким образом, гражданин Буске, обвинённый, – впрочем, ложно, – в шпионаже, остался членом Интернационала. Бенуа Малон также остался членом Интернационала, хотя Маркс очень хотел, чтобы Малон был исключен; Малон, хотя и не был членом Альянса и не состоял в особой дружбе с Бакуниным, был антипатичен Марксу за его независимый дух.

После процедуры исключения Бакунина и Джеймса Гильома из членов Интернационала, некоторые делегаты потребовали от «Комиссии пяти» доклада о действиях Главного Совета, так как многие представители Федераций поручили этой комиссии расследовать также дело о злоупотреблениях Главного Совета (превышение власти несоблюдение устава, клевета на членов Интернационала и т. д.). Однако, комиссия заявила, что за недостатком времени она не имела возможности выполнить вторую половину возложенной на неё задачи. После этого, председатель конгресса Зорге объявил о закрытии конгресса. Конгресс закончился публичным митингом, на котором выступали Маркс, Беккер. Зорге и другие делегаты от большинства на митинге не присутствовали.

Делегаты меньшинства; прежде чем покинуть Гаагу и разъехаться по своим странам, устроили также общее собрание, на котором приняли участие представители почти всех секций Интернационала: американцы, англичане, ирландцы, голландцы, бельгийцы, русские, французы, итальянцы, испанцы и швейцарцы. Между всеми этими делегатами царил полное единодушие и все они горели одним желанием, чтобы Интернационал стал мощной организацией самих рабочих.

На конгрессе в Гааге было произведено расследование о воображаемом «тайном Альянсе», но, на этом же конгрессе, благодаря свободному соглашению некоторых итальянских, испанских, русских, французских и юрских интернационалистов было положено основание действительной организации, которая поставила целью объединить все федерации Интернационала на основе свободного соглашения и братской дружбы, связав Интернационал узами солидарности.